

Robert C. Kohn

Борис Ракитский

**Наука о социальной политике:
методология, теория, проблемы
русской практики. Том
II. Становление науки
о социальной политике**

«Пробел-2000»

2017

УДК 316.334.3
ББК 66.3

Ракитский Б. В.

Наука о социальной политике: методология, теория, проблемы российской практики. Том II. Становление науки о социальной политике / Б. В. Ракитский — «Пробел-2000», 2017

ISBN 978-5-98604-600-6

Во втором томе читателю предлагается ряд работ о социальной политике в той последовательности, как они писались. То есть за основу взята историческая канва формирования учения о социальной политике. При этом пришлось прибегнуть к самоограничению, а именно: печатать только избранные работы, а не все подряд. Иначе потребовался бы ещё один том, а то и два. Ракитский Б.В.

УДК 316.334.3
ББК 66.3

ISBN 978-5-98604-600-6

© Ракитский Б. В., 2017
© Пробел-2000, 2017

Содержание

Пояснения ко второму тому	6
1980	7
Май 1986 г.	9
1989	15
Май 1990 г.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Борис Васильевич Ракитский
Наука о социальной политике:
методология, теория, проблемы
российской практики. Том II. Становление
науки о социальной политике

© Ракитский Б.В., текст, 2017

© Институт перспектив и проблем страны, 2017

© ПРОБЕЛ-2000, 2017

Пояснения ко второму тому

В первом томе вся проблематика социальной политики представлена в виде энциклопедических статей, написанных до 2016 г. Понятно, что представлены не все нужные термины. Но логическая канва есть.

Во втором томе читателю предлагается ряд работ о социальной политике в той последовательности, как они писались. То есть за основу взята историческая канва формирования учения о социальной политике. При этом пришлось прибегнуть к самоограничению, а именно: печатать только избранные работы, а не все подряд. Иначе потребовался бы ещё один том, а то и два.

В качестве компенсации этого «отсечения» ряда работ предлагаю две меры:

- первая – обратиться к списку «Основные публикации Б.В.Ракитского, в которых отразилось формирование нового учения о социальной политике» (даётся в конце второго тома);
- вторая – обратиться к «Основным трудам» Г.Я.Ракитской, в которых опубликованы наши совместные с ней работы, не включённые в настоящий том.

К сожалению, пришлось отказаться от публикации в этом томе ряда политико-экономических работ и работ по политической проблематике. Они составляют единый контекст с работами по социальной политике как таковой. Несколько успокаивает, что этот «большой контекст» присутствует и в самих социально-политических разработках. Но всё же...

Если когда-нибудь историки наук об обществе и о человеке в обществе заинтересуются перепетиями становления науки о социальной политике, они упомянутому «большому контексту» должны будут уделить надлежащее внимание. Сейчас же я обращаюсь не к историкам, а к современникам с надеждой, что они вникнут в существо нового учения.

1980

Обоснование важнейших направлений исследования общих проблем труда (извлечение из доклада)

Изучение социально-экономического положения и интересов важнейших общественных групп

Необходимость этого направления исследований проистекает из обязанностей Госкомтруда СССР участвовать в разработке совокупности мероприятий плановых программ социального развития и повышения уровня жизни. Если важнейшие показатели этого раздела планов формируются преимущественно в целом для населения и реже для очень крупных социальных групп, то конкретные мероприятия (особенно в условиях снижения темпов экономического роста) должны быть по возможности более адресными, то есть разрабатываться и осуществляться применительно к нуждам и, говоря словами К.Маркса, «жизненным притязаниям» определённых общественных групп.

Такой подход открывает, во-первых, дополнительные возможности более эффективного использования материальных средств, имеющихся в распоряжении государства для повышения уровня жизни народа. Повышение эффекта обеспечивается большей целенаправленностью расходов, более тщательным обоснованием намечающихся мероприятий и более точной оценкой степени насущности тех или иных потребностей у конкретных общественных групп. Обеспечивается тем самым дифференцированный подход к проблемам распределения благ. Дополнительные возможности улучшения жизни, труда и быта людей при дифференцированном подходе возникают ещё и потому, что средствами улучшения оказываются не только доходы и материальные блага, но и изменения некоторых из сложившихся общественных форм жизнедеятельности. Изучив реальные жизненные притязания различных общественных групп, мы, вполне вероятно, обнаружим, что имеются какие-то нужды, неудовлетворённость которых коренится не в отсутствии или ограниченности ресурсов, а в устарелости тех или иных порядков, сложившихся в обществе и закреплённых правовыми или административными нормами. Изменив эти порядки, мы создадим возможности реального улучшения условий жизни тех или иных групп населения. Примером таких мер, не требующих дополнительных средств, но существенных для населения, могут быть из числа проведённых в 60-е и 70-е годы: поощрение надомничества работающих матерей, разрешение им работать неполный рабочий день, допущение гибких режимов рабочего дня, разрешение оказывать помощь в ведении личного подсобного хозяйства и т. д. Крайне важно при подготовке подобных мер оценить их действительную нужность, значимость для тех или иных общественных групп.

Повышение степени дифференцированности государственных мероприятий по росту уровня жизни невозможно без научных представлений и оценок существенных характеристик социально-экономического положения разных общественных групп. Без таких оценок и представлений невозможно определить и социально-экономический эффект проведённых мероприятий. Повышение роли социального аспекта народнохозяйственных планов и планов социального развития порождает и задачу развития методов постановки плановых заданий и оценки их выполнения. Социологи активно обсуждают предложения об использовании в планах и в учёте их выполнения не только показателей, но и социальных индикаторов, позволяющих отслеживать ход процесса и его результаты.

В НИИтруда важность изучения социально-экономического положения и интересов важнейших общественных групп осознана и не подвергается сомнению. Однако исследования в этом направлении разворачиваются, как мне кажется, недостаточно быстро и без необходимой увязки друг с другом. Для ускорения этой работы целесообразно было бы, на мой взгляд, разработать общую долговременную программу исследования названной проблемы с тем, чтобы на её основе можно было бы строить организацию последовательной системной разработки с использованием внутриинститутского и межинститутского разделения научного труда.

Май 1986 г.
В Оргкомитет X Всесоюзного
координационного совещания по актуальным
проблемам исторического материализма

Тема: «Философские проблемы ускорения социально-экономического развития социалистического общества»

т. т. Н.И. Лапину, Ю.К. Плетникову, В.В. Платковскому

Искренне признателен за высокую честь выступить экспертом на первом этапе подготовки конференции. Излагаю своё представление о приоритетных философских проблемах ускорения социально-экономического развития советского общества, о целях, направлениях и задачах их исследования и решения.

1. Исходная установка

ЦК КПСС доложил XXVII съезду партии о том, что «в жизни общества начали проступать застойные явления»¹. Съезд постановил: «В этих условиях важнейшая общепартийная, общегосударственная задача состоит в том, чтобы в короткие сроки решительно и до конца преодолеть неблагоприятные тенденции в развитии экономики, придать ей высокий динамизм, открыть простор подлинно революционным преобразованиям, включить в эти процессы широкие слои трудящихся»².

Вывод о революционном характере назревших и предстоящих преобразований означает установку на радикальность подходов, а применительно к задачам философии и всего обществоведения – установку на познание корней, сущности, причин происходившего, происходящего и намечаемых перемен. Философские проблемы ускорения социально-экономического развития современного советского общества – это прежде всего и в основном проблемы идеологического обеспечения на научной основе всесторонней перестройки деятельности общества, притом перестройки, равнозначной социальной революции.

Теория социальной революции в обществах, подобных существующему в СССР, еще не разработана. Она должна быть разработана. **Предлагаю воспринять философские проблемы ускорения социально-экономического развития советского общества как философские проблемы разработки теории социальной революции в обществах современного советского типа.**

2. Структура взаимосвязанных революционных преобразований

Подлинно революционные преобразования должны охватить реальное бытие общества, коренным образом изменить течение производственных, политических, духовных и нрав-

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986, с.4

² Материалы XXVII съезда КПСС, с. 101

ственных процессов. Если ставится задача подготовки и осуществления этих преобразований планомерно, да ещё и с включением в эти процессы широких слоев трудящихся (а она ставится XXVII съездом КПСС именно так), то требуется теория предстоящих преобразований, то есть подлинно революционное преобразование самой теории общественного развития. Для марксиста-ленинца является азбукой, что революционное преобразование теории и практики есть чрево и поприще революционного переворота в методологии.

Итак, фиксируем три сферы и три составные части революционных преобразований, составляющих ускорение социально-экономического развития советского общества:

- революционные преобразования общественной практики, то есть производственных, политических, духовных и нравственных процессов;
- революционные преобразования теории общественного развития;
- революционный переворот в методологии.

3. Демократизация – главная проблема подлинно революционных преобразований общественной практики

Анализ процессов производства, политики, духовной жизни и нравственности современного советского общества позволяет выделить совокупность остро обозначившихся проблем. Из них в первую очередь можно было бы назвать такие наиболее актуальные и уже отмеченные в партийных документах и научной литературе:

- 1) отсутствие должной целенаправленности общественного развития;
- 2) отсутствие должной подчинённости развития производительных сил социальным целям, гуманистическим целям социализма;
- 3) незащищённость человека от деспотизма современной техники (тенденция к такому деспотизму усиливается с ускорением научно-технического прогресса при недостаточной гуманизации производства);
- 4) бюрократизация управления;
- 5) пассивность трудящихся, формальный характер их участия в управлении производством и в общественной жизни;
- 6) обеднение духовной жизни, снижение высоты субъективно осознанных и усвоенных целей, ради которых живёт и трудится человек, сужение горизонта развития личности;
- 7) недостаточный уровень нравственности, распространение иждивенчества и социальной инфантильности, люмпенизация части населения и возрастание хунвейбиновских настроений;
- 8) нарушения принципов социалистической справедливости, законности и морали, приобретающие тенденцию к распространению.

Все эти тревожные проблемы были обозначены на XXVII съезде КПСС и в ходе предсъездовских обсуждений. Как раз они-то и составляют те застойные явления, которые начали проступать в жизни общества.

Разумеется, каждое из застойных явлений, каждая негативная тенденция имеет свою специфическую непосредственную причину (или причины), и можно найти эту причину, вскрыть совокупность факторов, сформировавших застой, замедление, неблагоприятную ситуацию или тенденцию. Вместе с тем правомерно предположить, что конкретные причины и факторы имеют общий корень, составляют систему, что имеются определённые глубинные причины нежелательных явлений и неприемлемых, разрушительных для социализма тенденций.

Найти глубинные причины застойных явлений, устойчивых неблагоприятных тенденций, а не останавливаться на стадии обозначения этих явлений и тенденций как негативных – такова, на наш взгляд, логика XXVII съезда КПСС. Во всяком случае, такие постановки имели место на съезде. «Хочу откровенно высказать беспокойство по ряду вопросов, – сказал

на съезде кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Б.Н.Ельцин. – Много возникает «почему». Почему из съезда в съезд мы поднимаем ряд одних и тех же проблем? Почему в нашем партийном лексиконе появилось явно чуждое слово «застой»? Почему столько лет нам не удаётся вырвать из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости, злоупотреблений? Почему даже сейчас требование радикальных перемен вязнет в инертном слое приспособленцев с партийными билетами?» («Правда», 27 февраля 1986 г.)

Глубинные причины застойности и негативных тенденций оказались на долгое время скрытыми от внимания партии и народа. Произошло это потому, что начатая XX и продолженная XXII съездом КПСС линия на восстановление ленинских норм общественной жизни не была доведена до теоретических и политических обобщений, до глубокой научной оценки послеленинского этапа в развитии страны.

Напомним некоторые из сделанных партией в 1956–1961 гг. оценок.

Начиная с 30-х годов имели место «ограничения демократии», их стали «возводить в норму внутривнутрипартийной и государственной жизни, грубо попирая ленинские принципы руководства». Были допущены «грубейшие нарушения социалистической законности и массовые репрессии», «беззакония и произвол», «злоупотребления властью», «серьёзные нарушения ленинских заветов»³.

Несмотря на столь существенные извращения коренных устоев социалистического общества «было бы грубой ошибкой... делать выводы о каких-то изменениях в общественном строе СССР». «Несмотря на все зло, которое причинил культ личности Сталина партии и народу, он не мог изменить и не изменил природы нашего общественного строя. Никакой культ личности не мог изменить природу социалистического государства, имеющего в своей основе общественную собственность на средства производства, союз рабочего класса с крестьянством и дружбу народов, хотя этот культ и нанёс серьёзный ущерб развитию социалистического демократизма, подъёму творческой инициативы миллионов»⁴.

Сейчас, через 30 лет, марксистско-ленинская наука располагает материалом о влиянии маоизма на общественную жизнь Китая, материалом о полпотовщине в Кампучии. Назрел вопрос о более глубоком изучении вопроса о том, как влияют грубые попрания ленинских принципов руководства на общественный строй. Мы решительно отказываемся высказывать на этот счет какие-либо суждения или гипотезы, мы просто ставим этот вопрос в ряд остро актуальных проблем исторического материализма.

Будем рассуждать строго в рамках официальных партийных формулировок. Констатировано в партийных решениях, что в 30-40-е годы в СССР бы нанесен «серьёзный ущерб развитию социалистического демократизма, подъёму творческой инициативы миллионов»⁵. Это делает обоснованным использовать то понятие деформации, которое применил Е.К.Лигачев («Правда», 21 ноября 1985 г.).

Глубинная причина застойных явлений и негативных тенденций – наличие деформации социализма. **Магистральная линия устранения этой причины – выход нашего общества из деформации, возникшей в 30–40-е годы, выход из неё на основе демократизации, восстановления на деле ленинских принципов руководства обществом.**

О демократизации, самоуправлении говорится много. Но следует различать две концепции демократизации, развития самоуправления. Одна предлагает нам компромисс между бюрократизмом и развитием инициативы снизу. Активизация масс мыслится при этом в формах и в рамках, безопасных для бюрократизма, а то и подпитывающих, поддерживающих бюрократизм. При этом большим подспорьем такого манёвра противников демократи-

³ «КПСС в резолюциях...», т.7. с. 205–208; т. 8, с. 325.

⁴ Там же, т.7, с.210.

⁵ «КПСС в резолюциях...», т.8, с.210.

зации оказывается умолчание о существовании имеющейся деформации социализма, трактовка этой деформации как закономерных конкретно-исторических форм социализма, как реального социализма.

Другая концепция демократизации состоит в обосновании необходимости «открыть простор подлинно революционным преобразованиям, включить в эти процессы широкие слои трудящихся»⁶. Революционный характер подлинной демократизации состоит в переходе от системы социально-политических и социально-экономических форм и методов управления, в которой управляющие и управляемые оказались противопоставленными друг другу, к демократическому централизму суть которого – в единстве интересов и действий управляющих и управляемых. То есть речь должна идти о восстановлении на деле и в полном объеме ленинских принципов руководства обществом.

4. Восстановление целостности марксистско-ленинского обществоведения, его неразрывной и действенной связи с практикой – главная проблема подлинно революционного преобразования теории общественного развития

Целостность обществоведения – величайшее достижение научной мысли нового времени, одна из сущностных характеристик революционного переворота во **взглядах** на общество и его развитие, совершённого К.Марксом, Ф. Энгельсом, В.И.Лениным, их последователями. Марксизм-ленинизм есть целостное обществоведение, синтез общественных наук, и в этом – одна из причин его жизненности, истинности, действенности как идеологии. Целостность обществоведения есть свойство такого познания общества, при котором законы и категории науки адекватно отражают сущность не только отдельных процессов и явлений, но и сущность их единства. Политическая экономия стала первой общественной наукой, в которой принцип целостности обществоведения был осуществлен в процессе исследования. Итогом стал «Капитал» К.Маркса – книга о формации, а не только об экономическом базисе⁷.

Целостность обществоведения возможна лишь как сторона теснейшей связи общественных наук с практикой, связь с практической деятельностью требует и поддерживает целостность обществоведения.

Грубое попрание ленинских принципов руководства обществом повело к разрыву практики с марксистско-ленинской наукой, к подмене ряда свойств последней чуждыми принципами. Разрыв с практикой, некритическое восприятие сущего, прямая апологетика, схоластика, талмудизм – вот что привнесла сталинская эпоха в общественные науки. Были утрачены те плоды революционного переворота в обществоведении, которые блестяще были практически применены ленинской партией во время социалистической революции и гражданской войны, во время приступа к социалистическому строительству, разработки плана ГОЭЛРО.

Современное советское обществоведение представляет собою эклектическое соединение двух потоков общественной мысли. Один твёрдокаменно защищает «достижения» сталинской идеологии, выдавая их за развитие и продолжение ленинизма. Другой пытается восстановить ленинские подходы, но груз пережитков (последствий) сталинской идеологии невероятно затрудняет эту единственно полезную работу. Различные общественные науки разъединены,

⁶ Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986, с.101.

⁷ Примечание автора 2016 года. Это утверждение пересмотрено и отвергнуто мною на основе более поздних исследований. Доказано, что экономическое учение К.Маркса – выстроено на метафизической базе экономического материализма. К.Маркс в своём экономическом учении не сумел применить целостно обществоведческий подход. См. Б.В.Ракитский. О способах и перспективах общественного бытия (историко-материалистический очерк). – М.: Институт перспектив и проблем страны. 2011. 94 с.

ведут невзаимодействующие исследования. Роль исторического материализма как методологической основы обществоведения крайне ослаблена. Взаимодействия общественных и естественных наук складываются таким образом, что засилие пережитков сталинской идеологии в обществоведении все больше компрометирует марксизм-ленинизм, от которого сталинская идеология переняла разве что одну только фразеологию, только словесную оболочку мыслей, заменив сами мысли на иные, зачастую враждебные марксизму-ленинизму.

Проблема эта сложна, мало изучена, но приоритетна в ряду современных философских проблем ускорения социально-экономического развития СССР. Формула проблемы такова: *восстановить целостность обществоведения, его связь с практикой на основе очищения марксистско-ленинского обществоведения от враждебных ему и извращающих его положений сталинской идеологии.*

Решение так поставленной проблемы означало бы подлинно революционное преобразование обществоведения – этого необходимого оружия в борьбе за революционное преобразование общества.

5. Преодоление метафизической методологии на основе восстановления диалектико-материалистического метода обществоведения равнозначно повторному освоению революционного переворота во взглядах на общество

Методологические «новации» Сталина частично проанализированы в 60-е годы. Но эта критика была приостановлена, на критику сталинских извращений ленинизма уже более 20 лет действует не то мораторий, не то запрет. Между тем сталинской идеологии внутренне чужда диалектика, свойственна метафизика. Пропаганда сталинской идеологии в течение десятков лет сказывается ныне как раз в том самом старом типе экономического (и не только экономического) мышления, который партия считает необходимым заменить новым. Если раскрывать смысл старого (инерционного) и нового типов мышления, то смысл прост: так называемый старый тип мышления – метафизический тип мышления, так называемый новый – диалектико-материалистический. Осознать это, громко сказать об этом, вскрыть исторические причины укоренения метафизического типа мышления – актуальная философская проблема, без решения которой невозможно ускорение.

Не раскрывая всю проблему (готов сделать это специально, если получу приглашение), приведу самый краткий перечень атрибутов сталинской методологии, доказывающих её метафизичность:

- 1) экономический детерминизм предельно вульгарного толка;
- 2) прудонистские представления о противоречиях и способах их разрешения;
- 3) подмена достижений философии в понимании критической деятельности примитивной концепцией «критики и самокритики»;
- 4) полное непонимание механизма общественного прогресса (сталинское забвение закона отрицания отрицания уже было отмечено в 50-е, кажется, годы).

Запрет на публичную критику сталинских извращений ленинизма должен быть снят. Без этого не очистить душу марксистско-ленинского мировоззрения – его методологию.

6. О движущих силах предстоящих подлинно революционных преобразований

Без сомнения, это вопрос вопросов. Ставлю его, но не отвечаю на него. Тем более, что это одновременно и вопрос о силах, противодействующих подлинно революционным преоб-

разованиям. Ответ на этот вопрос не так уж и сложен, но советские обществоведы отвыкли ставить подобные вопросы и честно на них отвечать. Хотя это их высокий долг.

7. Резюме

Итак, назрела необходимость разработать теорию социальной революции (говоря словами XXVII съезда КПСС, – подлинно революционных преобразований) в обществах современного советского типа, то есть в условиях деформации социализма.

Первоочередные (приоритетные) дела философов в этих условиях:

1) вскрыть глубинные причины застойных явлений и неблагоприятных тенденций в обществе, обосновать роль и способы демократизации как восстановления на деле и в полном объеме ленинских принципов руководства обществом;

2) восстановить целостность марксистско-ленинского обществоведения, его связь с практикой, поднять роль исторического материализма как общей методологической основы общественных наук; очистить марксизм-ленинизм от положений сталинской идеологии;

3) преодолеть метафизическую методологию на основе восстановления метода диалектического материализма в советском обществоведении;

4) поставить и решить вопрос о движущих силах подлинно революционных преобразований в условиях деформации социализма.

Это мы обязаны сделать. Это мы можем сделать.

24-26 мая 1986 г.

Б.В.Ракитский

1989

Пути к консолидации: участие номенклатуры и личные судьбы «бюрократов»

В чем задача и имеет ли она решение?

Бюрократия – власть конторы, бюрократы – захватившие власть аппаратчики. Таковы буквальные значения слов, употребляемых в последние годы для обозначения якобы главного зла советской общественной системы. Реже, но тоже весьма дружно ругают и государственный характер управления. Всё, дескать, у нас обюрокрачено, всё огосударствлено, отсюда проистекают все наши беды.

Слышны и резонные возражения. В том духе, что без контор, без делопроизводства, без канцелярий, без аппарата управления – нельзя. Функция требует специализации, профессионализации ради эффективности. А с государством и того яснее: даже самая образцовая демократия есть государство. Не дошло еще человечество до тех рубежей, когда властные функции перестают быть политическими по существу и государственными по форме осуществления. Такие возражения опрокидывают поверхностное понимание бюрократии и государства, заставляют поглубже поставить вопрос о природе явлений и процессов, обозначаемых этими понятиями.

Начну с того, что на Западе (в буржуазно-демократических обществах), когда говорят о бюрократизме, имеют в виду нечто иное, чем мы в СССР. Там жизнь общества регулируется законами, то есть общество является правовым. Чьи интересы преимущественно отражают и защищают законы, – другой вопрос. Нам важно сейчас отметить, что законы не только написаны и приняты, но и действуют, имеют верховенство в системе управления. Разнообразные органы и институты власти призваны осуществлять правопорядок, поддерживать инициативу, свободные действия и противодействия в рамках законных норм. Бюрократизм в этих условиях возникает и существует как извращение в деятельности органов и институтов власти: отдельные чиновники или даже целые властные структуры начинают манипулировать законом, ставить себя выше закона, своекорыстно интерпретировать закон и правовые нормы. В результате таких действий возникает как бы параллельная властная структура, «примесь» к правопорядку, неформальная функция, извращение правила. Норма правового общества состоит в верховенстве закона, которое осуществляется через административную и – как часть ее – конторскую деятельность. Отступление от нормы, когда оно происходит, проявляется прежде всего и главным образом в том, что наряду с отправлением через контору властных и административных функций появляется незаконная власть самой конторы, выражающая не законную норму, не интерес законодателей, а интерес конторы, противопоставленный закону.

Наше общество – все еще неправовое, в нём нет верховенства закона в регулировании всех сфер жизни. Система управления по-прежнему в значительной мере является не демократической, а *командно-карательной*⁸. Даже если закон писан и принят, он не имеет верховной силы. Поэтому-то и пишется закон обычно в форме внутриведомственной инструкции

⁸ В официальных документах, в публицистике и в научной литературе последнего времени употребляется множество понятий для отображения существа сталинистской системы управления: административная система, командно-административная, командно-карательная, командно-нажимная, командно-приказная, командно-репрессивная, бюрократическая и т. п. На мой взгляд, тоталитарному режиму власти, каковым является сталинизм (как ранний, так и поздний), адекватны методы управления, которым лучше других подходит название «командно-карательная система управления».

или общей декларации. Реальной является власть, сознательно ставящая себя выше закона. То, что в правовом обществе – исключение из правила и существует неформально, прячется от общественного внимания, у нас – правило, существует как фактический принцип государственного строя, афишируется как естественное и неотъемлемое свойство системы управления. Здесь действует реальный механизм отчуждения народа от власти. Долгие годы этот механизм упорно называли демократическим централизмом, хотя в нем нет ни грана демократии. Сейчас называют бюрократизмом. Правильное ли это название? Думаю, нет, неправильное. Но если уж мы привыкли так обобщенно называть пороки нашей системы управления, то давайте хотя бы ясно осознавать смысл, вкладываемый у нас в понятие «бюрократизм».

Кстати сказать, в нашей стране о бюрократизме давно говорят не в нейтрально-управленческом смысле, а в социально-политическом – как о противоположности социалистической демократии в сфере управления. Но вот странное дело: в годы перестройки, как я замечаю, усилилась тенденция трактовать наш бюрократизм как раз на западный манер, как некое отступление от правила, как явление не политическое и даже не социальное, а скорее как ржавчину, плесень, неполадки в механизме управления. Это, по-моему, не случайность. Такой подход к бюрократизму становится объяснимым в более общем контексте – в истолкованиях характера существующей системы общественных отношений и управления, причин кризиса нашего общества и направлений его преодоления. Этот общий план не станем здесь рассматривать подробно, отметим только самое ключевое в нем.

Говорить о бюрократе и бюрократизме на западный лад (то есть как об отклонении от нормы правового государства, а не как о норме нашего неправового общества) выгодно тем, кто не желает или не готов радикально менять политическую систему, характер управления в обществе и в хозяйстве.

Им желательно представлять сложившуюся систему как в основе своей социалистическую, но только нуждающуюся в серьезной модернизации. Надо отсечь или перестроить то, что безнадежно устарело и стало «механизмом торможения». Но глубинная основа, дескать, вполне доброкачественна, отвечает принципам социализма. Бюрократизм, получается, – это то, что устарело и нуждается в отсечении или модернизации. Основа же сложившейся общественной системы бюрократизмом якобы не поражена, испытывает от него неудобства. К примеру, государственная собственность на средства производства не может проявить свои социалистические преимущества из-за бюрократической зацентрализованности управления; распределение по труду также блокируется уравниловкой и мелочной опекой со стороны центра; демократический централизм испытывает нехватку самостоятельности низовых звеньев. И так далее.

Своеобразно повели себя в условиях перестройки «борцы за чистоту марксизма» из числа схоластов и догматиков, еще недавно пропагандировавшие брежневскую действительность как реальный социализм, как будто бы состоявшееся укрепление в нашей жизни не просто социалистических, а общекоммунистических начал. Сейчас они зовут к искоренению бюрократизма, к обезвреживанию конкретных бюрократов. Наверное, им кажется, что именно отдельные бюрократы держат под спудом могучие силы общекоммунистических начал. Каждому понятно, что таким способом отыскивается ограниченный контингент виновников кризиса, чтобы можно было направить активность масс в русло борьбы с отдельными бюрократами. По принципу: «Если кое-где у нас порой...» А система управления, строй общественных отношений остаются при этом в неприкосновенности, вне очистительного воздействия активизации трудящихся. Уместно напомнить, что для В.И.Ленина механизм борьбы с бюрократизмом и победы над ним был однозначно ясен: только массовая активность трудящихся (как на производстве, так непременно и политическая) способна блокировать и победить бюрократизм и бюрократов (привилегированных лиц, оторванных от масс и стоящих над массами).

Важно, пожалуй, отметить, что концепция сведения борьбы с бюрократизмом к борьбе с конкретными людьми в аппарате, замены плохих аппаратчиков на хороших, старых на новых находит принципиальную поддержку со стороны либерально настроенных кругов и прагматически мыслящих хозяйственников. Даже левацкие радикалы поддерживают по существу эту концепцию, подначивая массы к огульному нигилизму в отношении бюрократов, аппаратчиков, чиновников.

Что же объединяет все эти, разные, казалось бы, социальные силы – от консерваторов до умеренных прогрессистов и радикальных леваков? Больше всего, пожалуй, две вещи. Во-первых, неприятие по-настоящему глубинного, качественного обновления общества, сужение содержания перестройки до задач обновления аппарата власти, но при сохранении всё же прежнего каркаса (схемы) этой власти. Во-вторых, боязнь допустить массы трудящихся к настоящему историческому творчеству, созидательной деятельности, реальному народовластию. Даже левацкие радикалы, буквально «заводящие» народ на решительные акции, отводят этому народу роль средства разрушения без созидания, активизируют массы на разрушительных идеях, а не на созидательных. Народ, по их мысли, должен решительно действовать в соответствии с лозунгами, указанными вождями. В случае, если вожди выбрасывают лозунги типа «Бей!», «Долой!», «Гнать в шею!», масса сейчас готова идти за ними. Но куда идти? С каким сердцем, с какой душой?

Революционный подход к перестройке противостоит всем другим. И в наибольшей мере это относится к названным выше двум проблемам. Первая – глубина обновления общества и системы управления. Масштаб преобразований понимается как *смена типа общества*: тоталитаризм (сталинизм) должен уступить место демократии, социалистической демократии; командно-карательная система руководства должна быть заменена демократическим управлением. Решение второй проблемы – движущих сил революции – видится столь же четким: демократическую революцию, выход из казарменного «социализма» как исторического тупика может совершить *только народ, трудовая сознательная масса*. Отсюда и задача: покончить с отчуждением народа от власти, завоевать реальное народовластие.

Сказанного, полагаю, достаточно, чтобы окончательно обозначить альтернативность подходов к бюрократизму и бюрократам.

Один подход, объединяющий тех, кто не приемлет перестройки или же не доводит её до революции и реального народовластия, определяет понимание бюрократизма как отклонения от принципов, искажения основ существующей системы управления. Сами основы и принципы при этом рассматриваются как доброкачественные, социалистические. Бюрократизм – нарост на живом теле социализма, надо его убрать. А как? Надо определить тех конкретных бюрократов, которые повинны в крайностях, в вопиющих извращениях, и отстранить их от должностей, заменить новыми кадрами. Другие, не столь глубоко погрязшие в бюрократизме, должны перестроиться. С них надо и спросить, и помочь им войти в перестройку. Наконец, надо выдвинуть новые силы, найти их среди активистов и инициаторов хороших перестроечных дел. Во все этой работе следует обратить внимание на изменение стиля и методов работы. Например, отказаться от командования, запугивания людей, шельмования, меньше заседать и писать решений, а больше действовать, бывать в трудовых коллективах, вступать в диалог и т. п. Словом, надо осуществить комплексное обновление аппарата власти, чтобы сделать наш социализм демократическим.

Другой, революционный подход определяет совершенно иное решение всех этих вопросов. Начиная с того, что «наш социализм» – не социализм, так как народ отчужден от власти, не имеет возможности самостоятельно строить свою жизнь. И то, что у нас принято называть бюрократизмом, – не отклонение от добротной в общем-то основы, а сама основа, сам стержень казарменного псевдосоциализма. Это командно-карательная власть, осуществляемая устойчивой социальной группой – номенклатурой. В отличие от бюрократии, этого изъяна,

характерного для правового общества, *номенклатура есть закономерная составная часть социально-кастовой структуры тоталитарного общества*. Она – не нарост на социалистической основе, а сама основа несоциалистического общественного организма, узурпатор власти народа. Суть революции – в переходе от власти номенклатуры к власти народа. Острые борьбы должно быть направлено именно на перемену глубинного характера власти, ибо только такая перемена делает бессмысленной работу по замене одних учреждений другими, старых аппаратчиков – новыми. Без замены же власти номенклатуры властью народа произойдет лишь омолаживание номенклатурной власти, переоснащение и совершенствование командно-карательных методов управления.

Из революции любят делать пугало, стращать ею склонных к испугу. Между тем в революции всегда заложен огромный созидательный заряд, способность разрешить проблемы практически всех здоровых социальных сил. Правда, для этого требуется обеспечить мирный ход революции. В СССР мы уже подошли к рубежу, когда вопрос о мирном развитии перестройки стал центральным политическим вопросом. Шанс мирного движения вперед есть. И, кстати сказать, в решающей мере использование этого шанса зависит от поведения номенклатуры. Борясь с бюрократизмом и бюрократами, следует отказаться от узколобой идеи сведения счетов с бюрократами, их обзывания, смещения с постов, запугивания. Есть смысл думать, как обращаться с властью имущими, чтобы на пути к народовластию обошлось без кровопролития, без разорения страны. Стоит думать, ибо задача имеет решение.

Дорога от номенклатуры к народу сложна, но открыта каждому

На чем основано убеждение, что мирное развитие перестройки реально возможно?

Отчуждение народа от власти и властей от народа проходит, несомненно, свои стадии и имеет свои ступени, как и всякий противоречивый (живой) общественный процесс. Крайняя стадия отчуждения – враждебное противостояние, отношения законченных антагонистов, исключающих друг друга из своего желаемого будущего. По моим наблюдениям и оценкам, в нашей стране до такого уровня отчуждения дело, к счастью, еще не дошло. Все еще возможны диалог, сотрудничество, взаимодействие народа и властей. Не буду приводить многих аргументов в подтверждение этого вывода. Нет среди них абсолютно доказательного, да и быть не может, ибо только реальное дело, реальное взаимодействие народа и властей может подтвердить мою гипотезу. И все же попытаюсь аргументировать, чтобы было яснее, о чем и в связи с чем идет речь.

Бросается в глаза, что наш народ не ставит, как говорится, крест на властях, не считает закономерными и понятными события и действия вроде тех, что произошли 30 октября 1988 г. в Минске или 9 апреля 1989 г. в Тбилиси. Разнообразные несуразности в решении хозяйственных вопросов относятся и до сих пор на счет неких «вредителей» или «бюрократов», то есть не на счет властей в целом, а чаще все-таки на счет отдельных лиц. Очень охотно передаются слухи и поддерживаются мифы о прогрессивных людях в руководстве, об их противостоянии консерваторам. Не зная ровным счетом ничего о взаимоотношениях между высшими руководителями, о различии или сходстве их взглядов, более того, слыша только утверждения о коллективном руководстве и о монолитной сплоченности высшего руководства, народ все же придумывает отдельных носителей зла, возлагает на них персонально ответственность за неурядицы.

Именно это помогает удерживать распространенное убеждение, что нами правят друзья народа, озабоченные нашими нуждами и думающие только о том, как бы направить жизнь к народному благу, поддержать все ценное, интересное, полезное. На самый крайний случай и сегодня готово объяснение необъяснимого: высший руководитель не знает о безобразиях, ему

не говорят, от него скрывают. Из всего этого проистекает волна писем и инициативных записок снизу вверх с надеждой «открыть глаза», помочь, подсказать и т. п.

Со стороны властей отношение к народу складывается по схеме, по сути своей схожей с описанной. Как бы ни многочисленны были протесты или недовольства, пусть даже они будут массовыми, власти склонны видеть в них лишь заблуждения легковверного народа, на время утратившего правильную ориентировку, поддавшегося влиянию антисоветски, антисоциалистически настроенных элементов. Зато даже отдельные «правильные» высказывания или оценки не только пропагандируются, но – я уверен – искренне воспринимаются властями как голос народа, как его подлинное мнение. Власти тверды в своем убеждении, что они едины с народом, а народ с ними.

Полагаю, что такое настроение народа по отношению к властям и властей по отношению к народу оставляет в наше время возможность для мирного политического взаимодействия, сознательной совместной работы народа и властей, уменьшения и сокращения отчуждения, обнаружения и обезвреживания самых глубоких его корней. Осуществить это непросто, но возможность мирного развития социальной революции, именуемой перестройкой, есть. Пока еще есть. И было бы преступлением эту возможность не использовать.

Реальность мирного развития социальной революции зиждется на том, что общественные процессы очень сложны и состав факторов, влияющих на формы протекания исторического процесса, весьма многообразен. В жизни всегда открывается множество вариантов. Наша общественная наука, к сожалению, бывает склонна к немалому схематизму при описании причин и возможных результатов развития. Связано это с тем, что марксизм-ленинизм прекрасно вскрывает крупные, коренные противоречия, определяет основные причины и на этой основе указывает магистральную линию перспективного развития. Не менее сильна наша идеология и при разработке тактики, но к этим потенциям марксизма-ленинизма мы обращаемся очень уж редко. В итоге получается определенная «плакатность», излишне крупный мазок. А вопрос о мирном способе преобразования власти в демократическую требует очень тонкого, скрупулезного подхода.

Давайте вникнем в существо проблемы. Формула «отчуждение народа от власти», применяемая в партийных документах для оценки современной ситуации в нашей стране, научно точна и глубока. Но она достаточно ясна лишь для того, чтобы обрисовать масштабность задач предстоящей революции как демократической по своему существу. Должно быть устранено отчуждение народа от власти, от нынешнего типа власти надо перейти к народовластию. Вот смысл обозначения противостоящих сил – народа и современной власти. Но как сложатся и как по-разному могут сложиться взаимоотношения этих сил в ходе становления народовластия, об этом общая формула (при всей её точности и глубине) не говорит.

В самом деле, что такое «народ» и что такое «власти» (или «элита», «номенклатура», «аппарат» – дело не в названиях)? Для обозначения генеральной расстановки борющихся сил в демократической революции эти понятия подходят. Народ – основная движущая сила такой революции, единство этой силы в ее коренном интересе, заключающемся в переходе к народовластию. Аппарат (власти, отодвинувшие народ от политики) – основная консервативная сила, пружина механизма торможения. Но реально и «народ» и «аппарат» – не монолиты, а социальные общности, состоящие из весьма разных людей, социальных групп и группировок. Это нетрудно подтвердить фактами.

Известно, что перестройка у нас на своем начальном этапе пошла как революция «сверху», то есть при больших усилиях и участии «аппарата». Значит, не все в аппарате консерваторы. По мере развертывания перестроечных дел появились активные сторонники и поборники перестройки на среднем уровне аппарата. В то же время народ ведет себя вовсе не однотипно. В Прибалтике, где революционные процессы пошли в 1988–1989 гг. дальше, чем в ряде других республик, создались и активно действуют народные фронты и противостоящие

им движения. На Пушкинской площади в Москве ведут свою агитацию «Демократический союз» и его полная противоположность – националистическая «Память». На первом Съезде народных депутатов СССР одни избранники народа (подчас входящие в номенклатуру) защищали интересы демократизации, а другие (нередко рабочие и колхозники) – интересы аппарата. Словом, в действительной жизни участники политических обсуждений и событий не разбиты так четко и жестко на «команды», как на футбольном поле, и притом не носят формы своей политической «команды». И это не потому, что маскируются, а потому, что положение людей, их интересы, моральный потенциал, ценностные ориентации весьма различны и накладывают сильный отпечаток на политическое поведение.

Отсюда вывод, подтверждаемый практикой: не все, относящиеся к народу по своему положению и коренному, объективно обусловливаемому интересу, – твердые и последовательные сторонники демократизации. Точно так же не все состоящие на номенклатурных должностях – консерваторы, противники демократизации. Вот почему антиперестроечная пропаганда подчас не без успеха действует на «низы». А пропаганда демократизации, попытки сплочения перестроечных сил должны быть обращены и к «верхам», номенклатуре. Не может она быть абсолютно глуха к демократическим призывам и абсолютно безучастна при прогрессивных действиях.

Линия отчуждения народа и властей проходит не только там, где коренятся объективные интересы больших социальных групп. Эта линия проходит и через индивидуальные судьбы, субъективные интересы и жизненные позиции. Люди могут выбрать свое будущее исходя не только из сегодняшней принадлежности к тому или иному социальному слою. Они могут предпочесть интересы народа, связать свою судьбу с его интересами. Человек в состоянии преодолеть то, что отчуждает его от интересов народа, приобщиться к народу и его перспективам. Вот как об этом сказал на Съезде народных депутатов М.С.Горбачев, занимающий несколько самых высших номенклатурных постов в стране: «У меня, как у Генерального секретаря, Председателя Верховного Совета, нет другой политики, кроме перестройки, демократизации и гласности, и я еще раз заявляю Съезду, трудящимся, всему народу о своей непоколебимой приверженности этой политике, ибо только на её основе мы сможем консолидировать общество и двигаться вперед. В этом я вижу смысл своей жизни и своей работы»⁹.

Давайте все же различать номенклатуру как правящую касту казарменного «социализма» и конкретных людей, состоящих в этой касте. Сущностная характеристика номенклатуры как правящей касты деформированного тоталитаризмом общества – конечно же, насилие, произвол, узурпация власти. Воспроизведение этих свойств – закон движения номенклатуры, ее глубочайший интерес. Реставрация сталинизма – номенклатурный идеал прогресса, наиболее последовательная реализация на практике сущности, предназначения, кастового интереса номенклатуры. Но тождественны ли с этим интересы и устремления конкретных людей? Нет, точнее, совсем не обязательно.

Человек, включенный к систему командно-карательной власти как исполнитель тех или иных конкретных её функций, может осознавать или не осознавать свое истинное место в истории. Думается, что глубочайшая драма прозрения искренне переживается значительной частью исполнителей сталинских преступлений, а в более поздние годы вплоть до наших дней – других командно-карательных акций. Мы не можем отказать ни «афганцам», ни психиатрам – карателям брежневской эпохи, ни участникам карательной акции 9 апреля 1989 г. в праве на осознание своих действий как соучастия в преступлениях против человечности, в праве на покаяние. Но знаем, – осознание своей деятельности как соучастия в преступлениях против гуманизма заставляет многих настаивать на оправдании прошлого любой ценой, доказывать, что черное есть белое. Это трусость, это жажда пощады без покаяния. Это и соучастие в

⁹ Правда, 1989, 10 июня.

вызванной ранее совершенными преступлениями поддержке сознательных человеконенавистников, планировавших и осуществлявших преступления, вовлекавших в них массы людей. Втягивание масс в механизм подавления – характерная черта «почерка» командно-карательной власти.

Человек может быть включен в систему тоталитарной власти и не понимать истинный смысл своей деятельности в истории. Наука, вскрывая существо тоталитарной власти, помогает человеку своевременно понять, что он делает на самом деле. Своевременно в том смысле, что человек может «прозреть», увидеть себя в действительно реальном историческом контексте не на закате дней, а когда еще остается время для исправления, недопущения личной трагедии. Человек, включенный в номенклатуру, может внутренне порвать с ней, противопоставиться ей и её делам. Это шаг к спасению.

Историческая судьба командно-карательной власти однозначна: эта власть обречена на уничтожение, на вечный позор без забвения. Нельзя победить народ, его можно лишь подавить, иной раз надолго. Но ведь для исполнителя командно-карательной власти не может не быть, существенным, что это его народ, а если даже чужой, то тень исторически черного дела падает на его страну. Какую же страницу впишет каждый из нас в историю своей Родины? Какая память будет о наших делах? «Мгновенья раздают кому позор, кому бесславье, а кому – бессмертие». Вечный позор не может не быть страшен. Именно на этом основана гуманистическая мысль о необходимости объяснения людям, входящим в номенклатуру, исполнителям функций тоталитарной власти всей неприглядности и бесперспективности их роли в истории.

У нас в СССР для развертывания такой работы возможности огромны. Процесс десталинизации страны не только ещё не завершен, но и начат-то не так давно. Мы все ещё робеем в объяснении, что осуждение преступлений сталинской эпохи и деятельности Сталина – самая простейшая, относительно поверхностная акция десталинизации. Мы ещё идем к нашему «Нюрнбергскому процессу» над сталинизмом как преступной идеологией и системой тоталитарной власти. Но такой высший суд непременно произойдет, как произошел он, например, над опричниной. Наши современные сознательные и бессознательные сталинисты должны увидеть себя в контексте осуждения историей, неотвратимого осуждения. Нельзя позволить им закрывать глаза на ответственность перед народом. Без срока давности за содеянное.

Трудность, конечно же, состоит в том, что сталинизм, как и всякая преступная идеология и практика, глубоко аморален и тем самым отравляет сознание и души людей. Но шанс всегда остаётся, и надо бороться за каждого в номенклатуре, не ставшего ещё нелюдем. Революция проявляет в этом свою добрую волю, свой гуманизм. С нелюдями у нее иные отношения.

Что это – запугивание? Нет, это информация к ответственному размышлению, это призыв к активизации во имя собственного спасения, к покаянию и доброму действию, к возрождению. Для номенклатуры как общественного механизма спасения нет, но каждый её «кадр» или соучастник может вернуться к народу, к его делам и интересам. Путь не закрыт.

Защитить честных, знающих, опытных «бюрократов»

Сколько себя помню, столько слышу эти слова: сокращение штатов. В литературе доказывают, что задачу совершенствования управления так ставить неверно, в чем-то даже абсурдно. Но пишут одни, а занимаются кадрами другие. И десятилетиями решают одну и ту же задачу сокращения штатов.

Если задача долгое время не решается, то тому могут быть две причины: либо решают спустя рукава, либо неверно ставят задачу. У нас причина в основном вторая.

В самом деле, почему столько внимания отдаётся сокращению численности управляющих? Разве управление даёт сбой из-за того, что мешают «лишние»? Можно подумать, что оставшиеся после сокращения будут руководить превосходно, эффективно. Упорная уста-

новка на сокращение изобличает неспособность изменить управление, его схемы, формы и методы по существу, качественно. Отвлекается внимание от главного – от негодных методов, от негодного стиля управления. Вот что пора бы понять.

А вместо этого конторы гудят и нервничают по поводу сокращения части их персонала. Приказано думать о количестве, а не о качестве. Большинство уже не раз убеждалось, что сокращения не давали особого эффекта, хотя всем понятно, что ту же работу можно делать и с меньшей численностью. Выходит, наша кадровая политика бьет мимо цели, стратегически неэффективна.

Годы перестройки вновь подняли волну сокращения штатов. Но на этот раз мероприятие вызвало вопросы о социальной защищенности работников аппарата. В самом деле, оказались неподготовленными механизмы переквалификации, трудоустройства. В первую очередь это коснулось работников министерств и ведомств, органов управления среднего уровня. Проблема была осознана и поставлена. Но она только часть более общей проблемы.

Если обозначать общую проблему в достаточно полном объеме, то надо вести речь о социальном положении и социальных проблемах высшего слоя управляющих (тех самых «бюрократов») в обстановке демократизации управления, то есть ухода с исторической сцены номенклатуры как социально-кастового образования. Объективно требуется и все настойчивее даёт о себе знать необходимость изменить характер власти в обществе и в хозяйстве. Что происходит в условиях десталинизации управления с корпусом руководителей? Как вести дело, чтобы проблемы личной трудовой судьбы «бюрократа» не стали фактором укрепления, консервации старых порядков? Все эти вопросы из той же темы – о мирном развитии перестройки. Рассмотрим их на примере руководителей хозяйственных звеньев.

Своеобразное место хозяйственных руководителей в обществе и их своеобразные интересы определены спецификой их социально-профессиональной роли. В их деятельности неповторимо сочетаются организаторские, социально-политические, распорядительные, контрольные, аналитические и другие функции. Объект руководства – деятельность трудового коллектива в её полном или существенном объеме. И поскольку трудовой коллектив есть ячейка общества, имеющая свои конституционные и законные права, обязанности и свободы, постольку функции хозяйственного руководителя непременно носят социально-политический характер. Это ставит их в прямую зависимость от характера отношений, существующих в обществе. Вот почему основные актуальные проблемы хозяйственных руководителей как социально-профессиональной группы нашего общества могут быть поставлены, обсуждены и решены не по аналогии с проблемами их коллег в капиталистическом обществе, а на основе правильного понимания характера, содержательных противоречий и реальных альтернатив развития современного советского общества.

Особенности общественного положения хозяйственного руководителя в течение нескольких десятилетий определялось тем, что реальная и определенная законом структуры власти не совпадали. По закону и по любым писанным решениям руководитель имеет определенные права и несет ответственность, фактически же эти права постоянно ограничиваются вмешательством местных партийных и вышестоящих хозяйственных органов в решение вопросов, отнесенных к компетенции руководителя. Такая практика имеет место и в годы перестройки.

Расхождение правового и реального статуса хозяйственных руководителей существенно деформирует их права и обязанности, свободу действий и ответственность. Типичными оказываются ситуации, когда реальные права не обеспечивают надежное выполнение должностных обязанностей, а реальная свобода действий намного уже, нежели требуемая для принятия конкретных решений, осуществления тех или иных маневров, мер, необходимых для достижения параметров, за которые руководитель несет ответственность. Тем самым хозяйственный руководитель неизбежно оказывается в ситуации выбора: либо действовать исходя из интере-

сов дела, но при этом нарушать некоторые правила хозяйствования, законы или руководящие установки, либо добиваться соблюдения и необходимого расширения своих прав и свободы действий.

В первом случае руководитель переходит на режим *поддержки*, то есть в положение человека, которому в любой момент могут быть предъявлены обвинения, но не предъявляются, пока он ведёт себя послушно. Поддержка – эта специфическая категория управления в условиях казарменного псевдосоциализма – есть форма беззакония, манипулирования законом, включения или отключения закона по усмотрению органов, осуществляющих командно-карательное управление.

Во втором случае хозяйственный руководитель оказывается в положении человека, не устраивающего органы реальной власти, не соответствующего их требованиям.

Имеются примеры, когда хозяйственный руководитель добивается тем или иным способом поддержки на уровне, более высоком, чем уровень непосредственно руководящих им отраслевых или местных органов. Тогда он и его трудовой коллектив оказываются в особо выгодном положении (по терминологии 30-40-х годов, «гремят на всю страну»), с них предлагается брать пример всем, хотя это заведомо невозможно.

Результатом описанного общественного положения хозяйственного руководителя является его социальная незащищенность, фактическая зависимость от вышестоящего руководителя (или органа). Спутником социальной незащищенности неизбежно оказывается социальная безответственность хозяйственного руководителя, то есть ответственность исключительно перед вышестоящим руководителем (или органом), а не перед обществом.

Смысл революционной перестройки системы управленческих отношений состоит в демократизации управления, восстановлении демократического централизма, сломе командно-карательного управления. Для хозяйственных руководителей это будет означать кардинальное изменение их общественного положения. Главная перемена – становление надежной социальной защищенности руководителя и его социальной ответственности. Ввиду их особой важности определим эти ключевые понятия.

Социальная защищенность есть система необходимых и достаточных гарантий со стороны общества и государства определенных законодательством прав и свобод. Применительно к хозяйственным руководителям как к социально-профессиональной группе социальная защищенность означает реальную, гарантированную действиями общества и государства возможность выполнять свои должностные обязанности в полном объеме на основе законных прав и свобод, защищаться от ущемления этих прав и свобод в судебном порядке. Судебная защита воплощает в себе равноправие, равенство перед законом управляющего и управляемого, что несовместимо с командно-карательными методами и формами руководства.

Социальная ответственность – ответственность перед обществом, перед народом. Применительно к хозяйственным руководителям как социально-профессиональной группе она означает неотвратимость ответственности за нарушение норм и правил хозяйствования, хозяйственного законодательства. Социальная ответственность несовместима с практикой «поддержки» как своеобразной амнистии, как бы выведения хозяйственного руководителя из зоны действия закона.

Кардинальная перемена в общественном положении хозяйственных руководителей, которая произойдет, если удастся восстановить демократический централизм, по-новому поставит и уже начинает ставить ряд привычных, казалось бы, вопросов. Рассмотрим некоторые из них, наиболее актуальные.

Вопрос первый. *Взаимоотношения хозяйственного руководителя с трудовым коллективом в условиях демократизации.* Опыт введения выборности руководителей поучителен. Он доказал неуместность попыток применить непосредственную, прямую выборность для руководителей всех уровней. Прямые выборы руководителя подчиненными уместны в тех случаях,

когда руководитель трудится «на глазах» и каждый из подчиненных может компетентно судить о всем круге выполняемых руководителем функций. Пример таких случаев – бригадир и бригада. Но уже начальника цеха, руководителей отделов заводоуправления, руководителей предприятия и объединения немисливо выбирать прямым голосованием всего состава подчиненных. В тех случаях, когда в 1986–1987 гг. выборы были не фарсом, трудовые коллективы превращали их по существу в конкурс программ действий и выбирали не руководителя, а по сути дела стратегию хозяйственного развития. Этим самым были доказаны зрелость трудовых коллективов, их высокая готовность к подлинной демократизации. Именно практика 1986–1987 гг. стала решающим аргументом в пользу отказа от примитивной демократии (прямого всеобщего голосования, которым легче манипулировать) и утверждения принципа выборности на конкурсной основе (за исключением выбора руководителей низовых трудовых коллективов).

Сейчас можно констатировать, что и на подбор руководителей распространился процесс демократизации. Правда, сделаны лишь пробные шаги, не подкрепленные изменениями взаимоотношений с вышестоящими органами. По действующему закону, избранный руководитель утверждается вышестоящим органом, который может и не утвердить избранника. При этом обязанность неутвердившего – всего лишь объяснить трудовому коллективу причину неутверждения. Не предусмотрена судебная защита от необоснованного неутверждения. Процедура утверждения без права судебной защиты есть не что иное, как смягченная форма недемократичности подбора кадров хозяйственных руководителей. Такой процедурой хозяйственный руководитель в ещё большей мере, чем прежде, ставится в двойственное положение. Он должен поладить и с трудовым коллективом, и с вышестоящими инстанциями. Если коллектив становится требовательнее к соблюдению прав трудящихся и правил хозяйствования, а вышестоящие органы задерживаются с перестройкой своих методов работы, то можно ожидать тенденции отказа от должностей хозяйственных руководителей, нежелания идти на эти должности. Тем самым тормозится приток способных кадров на ключевые роли в хозяйстве, возможно качественное ухудшение состава руководителей.

Укрепление законности и правопорядка обостряет проблему соблюдения на предприятиях трудовых прав. Сейчас имеют место частые нарушения КЗоТ, особенно относительно ограничения сверхурочных работ, порядка увольнения, перетарификации, отвлечений в порядке шефской помощи и т. п. Профсоюзы пока не перестроились, и это как бы спасает руководителей. Однако в обстановке демократизации положение постепенно изменится. Следует загодя подготовиться к возможным конфликтам, приведя деятельность администрации в строгое соответствие с законами. К началу забастовочного движения это не было сделано, и немало руководителей попало в сложное положение. Теперь возникли новые рабочкомы, забасткомы и независимые профсоюзы. Создается новая ситуация.

Наконец, советы трудовых коллективов воспринимаются сейчас многими хозяйственными руководителями как покушение на полноту их прав и свобод, как ненужное осложнение в работе, как подрыв принципа единоначалия. Приходится констатировать, что многие руководители не способны пока увидеть и извлечь огромную помощь, которую им может предоставить деятельность советов трудовых коллективов. С правильной постановкой работы этих советов в значительной мере может быть связано формирование системы социальной защищенности и социальной ответственности хозяйственного руководителя.

Отмеченные проблемы не остались незамеченными. Правительство СССР признало свои ошибки в регулировании взаимоотношений руководителя и коллектива, в том числе и в вопросе выборности директоров. Но оно внесло законопроект, убивающий, на мой взгляд, как раз здоровые ростки демократизма, пробившиеся в первые годы перестройки¹⁰. Смею наде-

¹⁰ Рыжков Н.И. Стратегии углубления экономической реформы – новую законодательную основу. – Правда, 1989, 3

яться, что народные депутаты не дадут повернуть вспять процесс демократизации на производстве.

Вопрос второй. *Взаимоотношения хозяйственных руководителей с вышестоящими органами.* В 1986–1987 гг. местные партийные и центральные хозяйственные органы проявляли бездеятельность, пассивность в делах перестройки. Лозунги демократизации, развития самоуправления стали интерпретировать как курс на самоустранение от выполнения функций, возложенных на руководящие органы. Стала складываться своего рода доктрина «отделения предприятия от государства». Такая позиция вышестоящих органов вредит делу, ибо оборачивается промедлением в решении ряда назревших и обострившихся общехозяйственных и социально-политических вопросов. Общественная среда функционирования предприятий создаётся не предприятиями, а руководящими органами. Есть большая опасность, что повторится ситуация реформы 1960-х годов, которая была сорвана исключительно бездеятельностью, консервативностью вышестоящих органов управления.

Сегодня главная битва за перестройку хозяйствования ведётся на попрание признания закона верховным регулятором в хозяйстве и в обществе. К сожалению, задерживаются общедемократические реформы, а командно-карательный стиль получает новые формы своего разветвления. В среде хозяйственных руководителей сосуществуют настроения демократизации и укрепления командных методов руководства. Все ещё силен и ощутим конфликт между служебными обязанностями, правами и свободами и партийной дисциплиной. Такой конфликт означает противоречивость процессов перестройки, но его надо разрешать, а не углублять. Движение должно идти в сторону единоначалия в рамках законов и правил хозяйствования, партийные органы призваны сами стать застрельщиками отказа от командно-карательных методов. Вместо этого они освоили новую схему сохранения своего приоритета перед законом. В обстановке слабой работы правительственного центра партийные органы (вместо того, чтобы заняться налаживанием работы исполнительных органов) объявляют острую проблему дефицита мыла, порошка и т. п. политической проблемой и начинают решать её, как принято говорить, политическими методами, то есть так, как бывало прежде.

Весьма существенную помощь в противостоянии командно-карательным методам могут оказать советы трудовых коллективов (СТК). Их решения в пределах установленных законом полномочий обязательны для хозяйственных руководителей. Настаивая на выполнении своих решений, СТК должен делать это не чисто формально, а разбираться в мотивах поведения хозяйственного руководителя. Если вышестоящие органы оказывают нажим на руководителя, СТК может и должен вставать на защиту, требовать управы на бюрократа или на чинящего произвол, подталкивающего хозяйственного руководителя к нарушениям.

Вопрос третий. *Профессиональная честь хозяйственного руководителя и ее защита.* Из сказанного выше следует, что общественное положение хозяйственного руководителя весьма сложно, неустойчиво, чревато несправедливым к нему отношением, непониманием подчиненными всей сложности реального положения. Права руководителя как человека и профессионала особенно часто нарушаются в процессе назначения (утверждения при избрании) и «снятия» с работы.

Гласность – если это, конечно, не тенденциозное, а правдивое информирование масс о положении дел – помогает осознанию обществом проблем хозяйственных руководителей. Следует напомнить, что в 1986 г. средства массовой информации, особенно телевидение, пытались представить директоров в роли консерваторов и ретроградов, не понимающих даже того, что понимает любой рабочий. Это был период подталкивания масс к примитивной демократии. Он миновал благодаря зрелости масс.

Учеными высказан ряд ценных идей относительно первых шагов по пути к созданию надежной социальной защиты профессиональной чести хозяйственных руководителей. Отметим лишь некоторые из них:

- необходимо законодательно регулировать взаимоотношения трудового коллектива и руководителя. При выборности правильно было бы ввести заключение трудового договора руководителя с избравшим его коллективом, в котором оговаривались бы конкретно права, обязанности и формы ответственности договаривающихся сторон. Надо создать руководителю возможность доказать (в том числе и в судебном порядке) свое соответствие должности в случае, если претензии коллектива субъективны, необоснованны;

- следует обеспечить единство профессиональных требований к руководителям в масштабах народного хозяйства. Целесообразно отделить процессы оценки деловых качеств от процесса занятия должности. В связи с этим разумно было бы наладить вневедомственную аттестацию руководящих хозяйственных кадров (скажем, в учебных заведениях, в научных или методических центрах);

- целесообразно создать профессиональное сообщество хозяйственных руководителей (типа ассоциации), а может быть, и отдельный профсоюз. Цель таких организации – содействовать профессиональному общению, формировать и поддерживать принципы профессиональной чести, защищать профессиональную честь хозяйственных руководителей;

- надо восстановить институт отставки, имея в виду обеспечение хозяйственному руководителю реальной возможности использовать отставку как форму сохранения профессионального достоинства и чести в случае его несогласия с линией вышестоящего руководства. В условиях борьбы с командно-карательными методами это могло бы сыграть немалую роль и способствовало бы становлению социальной защищенности руководителей.

* * *

Любят у нас вкрадчивое «люди устали...». Журналисты и партработники особенно беспокоятся, как бы перестройка не переутомила людей. Дескать, как давно уже перестраиваемся, пора бы и отдохнуть, объявить перерыв, а еще лучше – конец перестройки. Товарищи, я думаю, выражают при этом только свое личное мнение, может быть, интерес своей социальной группы. Народ не устал. И не устанет. Доведенный годами сталинизма и брежневщины, демагогией казарменного псевдосоциализма до состояния летаргии, апатии, тяжелого гипнотического забытья, народ начинает просыпаться, оживать, чувствовать свои силы и осознавать свое неотъемлемое право на власть.

Есть силы и идеологии, пытающиеся либо вновь усыпить народ, либо спровоцировать его на неосторожные, необдуманные действия. Например, почувствовать себя уставшим от всей этой политики, перестройки и т. п. Или устроить погром номенклатуре. Ни того, ни другого нельзя допустить. Заснуть вновь народ уже сам не захочет. А вот стать в резкую конфронтацию с властями – этот вариант возможен и опасен. Надо искать мирный ход развития. Искать и со стороны народа, и со стороны властей.

Немалым вкладом в эти поиски будет внимательный, дифференцированный подход к людям, исполняющим функции руководства в обществе и в хозяйстве, входящим сейчас в номенклатуру. Не надо их пугать и запугивать народом и народным слепым бунтом. Ведь и вправду могут испугаться и сплотиться на антиперестроечных позициях, сознательно пойти войной против собственного народа. Никому это не нужно – ни народу, ни номенклатурным товарищам. У них есть опыт, знания, умения. Без всего этого демократизация невозможна. Спрашивают иногда, а захотят ли они по-настоящему включиться в народное дело. А почему бы им не включиться? В конце концов, наша номенклатура – это ведь не потомственные цари,

князя и графы. Вышли из народа и вернутся в народ. Путь не закрыт. А дел срочных, трудных дел – много.

Печатается по публикации в журнале «Вопросы экономики», 1989, № 12, с. 56–68.

Май 1990 г.

Основы теории переходного периода

Еще совсем недавно понятие «переходный период» ассоциировалось у каждого из нас с заботами народа, отвоевавшего власть у помещиков и капиталистов и приступившего к строительству социализма. НЭП, национализация земли, банков, налаживание соревнования, вопрос «кто-кого», коллективизация и индустриализация – всё это из содержательных характеристик того, послереволюционного переходного периода. Я не из тех, кто огульно отвергает Великий Октябрь и последовавший за ним переходный период. Это было время больших борений, искренних поисков, трагедий и прорывов в будущее. Я не судья нашим дедам и прадедам. И я смеюсь над теми, кто годен сегодня лишь на то, чтобы открыть консультационный пункт по проблеме, как надо было правильно действовать в начале нашего века. История состоялась, и её действующие лица не нуждаются в консультациях, не приемлют упреков и не могут учесть чьи-либо советы. Очередь за нами – творить нашу часть истории. И лучше сосредоточиться на этом.

О переходном периоде вновь заговорили в обстановке перестройки. При этом не все. Три идеологии перестройки несёт в себе современное советское общество:

1) неосталинистскую, то есть идеологию консервации и реставрации тоталитарного режима;

2) революционно-демократическую, то есть идеологию живого исторического творчества народа, свержения тоталитаризма методом антиказарменной народной революции и поворота общественного развития в демократическое русло, не исключающее при благоприятных условиях и социалистический выбор;

3) либерально-прагматическую, то есть идеологию реформ сверху (революции сверху), при которых масса действует не как инициатор, не как творец, а как исполнитель замысла реформатора.

Не стану развивать теорию консервации и реставрации тоталитарного режима, дабы не помочь своему политическому противнику. Не стану также излагать здесь стратегию и тактику социальных революций в обществах современного советского типа. Эта часть работы сделана своевременно, еще в 1987 г., хотя опубликовать ее удалось лишь попозже, в 1988–1990 гг.¹¹

Займусь теорией переходного периода – так называют либералы-реформаторы свои проблемы, связанные со стратегией и тактикой «революции сверху». Еще точнее было бы назвать нужную им теорию теорией *переводного периода*. Ведь и в самом деле задача реформирования общества представляется либералам-реформаторам как перевод хозяйства и всего общества из одного состояния в другое. И притом перевод по составленному наверху плану.

Задача этой статьи – осмыслить либерально-прагматический взгляд на осуществление перестройки. Ведь цели «революции сверху» могут быть весьма далеко идущими и радикальными. Трудность в нерадикальном характере средств.

Идеология антитоталитарной революции снизу рассчитана на сочетание радикальных целей с радикальными средствами их достижения.

¹¹ Г.Я. Ракитская, Б.В. Ракитский. Размышления о перестройке как о социальной революции. – ЭКО, 1988, № 5; их же. Действующие лица десталинизации. – Вестник АН СССР, 1989, № 9; Б. В.Ракитский. Революционный характер идеологии перестройки. – Вопросы экономики, 1988, № 10; Социальные ориентиры обновления: общество и человек. – М.: Политиздат, 1990; Б. В. Ракитский, Г. Я. Ракитская. Политические предпосылки перестройки общественных отношений. – В кн.: Постигение. М., Прогресс, 1989, с.341–356. Наиболее полная публикация (после выхода настоящей статьи): Б.В. Ракитский, Г.Я. Ракитская. Стратегия и тактика перестройки. – М.: Наука, 1990. 128 с.

Либерально-прагматический вариант преобразований живо интересует сторонников революции. В каждый данный момент революционно настроенные силы могут «давить снизу» на реформаторов, заставляя их действовать более радикально. А кроме того, при варианте мирной революции народные силы становятся доминирующими в обществе и подчиняют себе действия реформаторов, трансформируют программу реформ сверху в созидательную программу революции снизу.

Осмысливая либерально-прагматические представления о переходном периоде под углом зрения, во-первых, задач революции сверху, во-вторых, задач революции снизу, придётся рассматривать одни и те же явления и процессы с двух точек зрения. Это не беда, это способствует объёмному видению мира. Классовый, то есть политический подход не изжил себя. И в наши дни это единственно плодотворный подход. Бедный марксизм! Он так устарел, что мы скоро откроем его заново.

Переходный период и составные части его теории

Переходным периодом принято называть время, в течение которого преодолевается дистанция от исходного качественного состояния общества к его новому качественному состоянию. Переход к новому качеству может быть эволюционным и революционным – всё дело в характере разрешаемых противоречий. Именно по этому вопросу коренным образом и различаются либерально-прагматический и революционный подходы к характеру и задачам перестройки. Что же касается состава решаемых задач, то здесь различия, как нам кажется, несущественны. Но по вопросу очередности их практической постановки и решения, а также по вопросу о движущих силах перехода расхождения опять-таки весьма и весьма существенные.

Теория переходного периода должна охватить следующий необходимый и достаточный круг содержательных вопросов:

- 1) характер исходного состояния общества;
- 2) достигнутая степень вызревания внутренних противоречий и оценка кризисности ситуации;
- 3) направление движения (характер возможного нового состояния общества);
- 4) соотношение и взаимодействие социальных сил, заинтересованных в переходе и противодействующих переходу;
- 5) стратегическая программа перехода;
- 6) реальная последовательность действий и возможные варианты продвижения к цели.

Исходное состояние. Общество, в котором мы живем

Вульгарно-материалистическое (экономически детерминистское) представление об обществе подсказывает обыденному сознанию: каково на самом деле общество, таково и его представление о самом себе. Отсюда простой и ясный вывод: наше общество называется социалистическим, значит оно социалистическое.

«Чувство социализма» привито нам с детства. Но значит ли это, что действительность соответствует такому чувству? Научных доказательств социалистичности современного советского общества нет. Ученые-обществоведы разделились на три группы.

Первую из них составили (закономерный парадокс!) воинствующие сталинисты и оголтелые антикоммунисты. Их общая платформа в том, что в СССР и в странах современного советского типа построен именно социализм. Правда, в остальном у сталинистов и антикоммунистов диаметрально противоположные суждения. Первые напрочь отвергают очевидное – антинародность, антигуманность сложившейся общественной системы. Вторые – упирают на это очевидное и считают антигуманизм, тоталитаризм сущностью социализма.

Две другие группы обществоведов свободны от оголтелости и способны рассуждать здраво, соотнося действительный смысл слов с жизнью. Социализм – это реальный (реализующийся) гуманизм. Таково его самое общее и краткое сущностное определение. Если в советской действительности мы не обнаруживаем приоритета гуманистического начала, то приходится решительно отказать этой действительности в принадлежности к социализму (говоря словами В. И. Ленина, такая действительность не заслуживает названия социалистической). Революционное видение перестройки начинается именно с констатации несоциалистичности нашего современного общества в силу его антинародности, негуманистичности.

В отличие от революционеров, либералы видят ту же самую действительность в более успокоительном, примирительном ключе. Да, мы живем в обществе, где народ отчужден от власти, где нет социальной защищенности и социальной справедливости. Но ведь нет таких сил, которые были бы против социализма, защищенности и справедливости (тут точка перелома, перегиба, перехода в иное измерение рассуждений). Поэтому будем считать, что у нас *ранний социализм*, при котором сущностные черты социализма еще отсутствуют, хотя не отрицаются. Гуманизм, демократия – это все появляется, да, не сразу, а через 100–200 лет от начала социалистического строительства. Общество, в котором мы живем, действительно, еще не обладает чертами социализма, оно раннесоциалистическое, досоциалистическое, подготовительное для социализма, оно способно развиться в социалистическое, обрести черты и гуманизма, и демократии. Оно может стать демократическим социализмом.

Строго говоря, такая идеология – обман и самообман. Приверженность общества социалистическому выбору здесь просто декларируется. Нужно ещё доказать, что массовому сознанию присуще хотя бы «чувство социализма». Но даже если оно присуще массовому сознанию, требуется еще научно точно определить, не обманчиво ли это чувство, соответствует ли оно общественной реальности.

Состояние общества может быть по-разному интерпретировано, особенно если его оценивать не статически, а динамически, и притом находясь не вне этого общества, а внутри него.

Так оно и происходит, отчего и имеют место существенные расхождения оценок. Из мира фактов спор переносится в мир тенденций, а сравнительная сила тенденций, вероятный исход их исторического противоборства рассматриваются сквозь призму субъективного тяготения к тому или иному реально возможному варианту будущего. Все по-своему правы, а обществоведческая истина остается, как и прежде, плюралистической. А нас-то уверяли новые мудрецы, что классовый подход мёртв!

Значит, у нас есть основания констатировать бесспорные факты, характеристики и тенденции современного советского общества. И уже на этой основе установить размежевание интерпретаций состояния нашего общества. Похоже, что другого выхода в рамках «культурной дискуссии» нет.

Примемся за констатации. Постараемся охватить ими основные стороны жизни общества.

Первая сторона – политическая система. Фундаментальный факт, признаваемый теперь всеми, – отчуждение народа от власти, монополия на власть правящей касты. Решающим является то обстоятельство, что государство, его органы и институты противостоят народу. Их функции носят командно-карательный характер по отношению к собственному народу, а не защитительно-гарантирующий.

Весь режим власти тоталитарный по своему характеру, антидемократический. Отсутствует равноправие по той причине, что государство неправовое, что нет закона, правосудия и правопорядка. Правоподобное регулирование жизни общества на самом деле есть система произвола, разрешения и запрета по усмотрению управляющего.

Вторая сторона – идеология. Отчуждение народа от власти, узурпация власти господствующим аппаратом предполагает (требует для своего воспроизведения) как минимум поли-

тическую дезактивацию народа, а как оптимум – экстатического верноподданничества. Вот почему страх (запугивание) и спекуляция на популярной идее – взаимодополняющие компоненты идеологии для массового сознания (для господствующей касты требуется и существует иная идеология). Не допускается не только плюрализм организаций и общественных действий, но даже разнообразие мнений. Тотальное единообразие идеологии и политической практики поддерживается репрессиями, изоляцией от внешнего мира и демагогией. Сила репрессий при тоталитарном режиме современного советского типа прямо пропорциональна влиянию на умы социалистических или хотя бы просто общедемократических идей. Тоталитарный строй в СССР возник как результат контрреволюции под лозунгами социализма. Социалистическая фразеология маскировала подмену и идеологии, и практики социалистического строительства. Большие репрессии 1930-х гг. преследовали задачу подавить размах массового социалистического сознания, вызванный революцией. Каждый подъём активности народа вызывал со стороны тоталитарного режима соответствующий контрудар. Вспомним патриотизм и героизм времен войны и репрессии 40–50 гг., оттепель и андроповско-сусловские психушки, борьбу с инакомыслием в 1970-80-е годы. Перестройка всколыхнула сознание масс, подняла активность. Великие репрессии потребовались бы тоталитарному режиму для восстановления себя самого. Он может их провести, если мы дрогнем. До сих пор ему удавалось. Но должно же хоть раз удастся и нам! Не вечен же этот распроклятый сталинизм!

Третья сторона жизни советского общества – экономика. Привычное для нас изображение экономического строя СССР включает следующие ключевые идеи: 1) собственность у нас общенародная (государственная), то есть социалистическая; 2) уровень обобществления производства очень высок, реально сложился единый народнохозяйственный комплекс; 3) имеет место демократический централизм как тип управления хозяйством; 4) планомерное управление хозяйством в целом дополняется широкой оперативно-хозяйственной самостоятельностью трудовых коллективов и трудящихся. И так далее. При внимательном же рассмотрении оказывается, что все это – лишь псевдосоциалистический словесный камуфляж откровенно тоталитарного, антинародного режима хозяйствования.

Первая ложь в отношении советской экономики – это приписывание собственности общенародного, социалистического характера. На чем основана эта ложь? На неправомерном знаке тождества между государством и народом. Даже если бы отношения собственности сводились к имущественным отношениям, то и в этом случае нельзя было бы ставить знак тождества между общенародным и государственным. Требовалось бы доказать, что государственное управление имуществом ведется в интересах народа. Доказать такое применительно к советской действительности невозможно. В подобное доказательство не вписываются ни милитаризация хозяйства, ни подчинение его задачам военной и экономической экспансии, ни игнорирование экологических и социальных ограничений при хозяйствовании (то самое «хищническое использование» природы и человека), ни многое-многое другое.

Но нельзя забывать, что отношения собственности не сводятся к имущественным. Собственность – власть в хозяйстве, социально-политический тип хозяйствования. Как в обществе, так и в хозяйстве народы СССР отчуждены от власти. Государство в СССР – не народное, чуждое народу. Государственная собственность в связи с этим также не имеет ничего общего с общенародной. Общенародность собственности означает прежде всего защищенность каждого хозяйствующего субъекта народом в целом через народную государственную власть. Современный советский строй являет нечто прямо противоположное: посредством государства народ отчуждается от власти, каждый хозяйствующий субъект посредством государства лишается возможности получить защиту народа. Хозяйствующие субъекты не ассоциируются имеющейся в СССР хозяйственной властью, а разъединяются, диссоциируются.

Вторая ложь о современной советской экономике касается степени ее обобществления. В обычном политико-экономическом смысле обобществление понимается как степень орга-

нической связанности, спаянности воедино различных хозяйственных явлений и процессов. Эта связанность, спаянность должна быть внутренним свойством хозяйства подобно тому, как в живом организме специализация систем и органов вызвана потребностями целостности. Советское хозяйство, конечно же, содержит в себе немало моментов действительного единства. Но немало в нём и такого, что идёт от командования, от сконцентрированности власти наверху. Вот эту сконцентрированность власти, степень централизации управления чаще всего и принимают (или выдают) за степень обобществления хозяйства. Глубокое заблуждение. Сконцентрированность функций управления далеко не всегда оправдана внутренними потребностями функционирования хозяйства, а очень часто представляет собою разрушение возможного обобществления. Достаточно назвать проблемы рынка и любых других горизонтальных хозяйственных связей. Их либо нет, либо они ослаблены до дистрофии. Прибалтийские республики, к примеру, несколько десятилетий не имели прямых межреспубликанских связей, а устанавливали их круглым путем, через «сильный центр». Единый диспетчерский пункт советского хозяйства нам всё время изображают как единый народнохозяйственный комплекс. Но комплекс – не подведомственность, а реальная связь. Реально же связь внутри экономики порвана, подменена административно-командной связью. Вот в чём дело.

Подобным же образом обстоит дело и с демократическим централизмом. О том, существует ли централизм в СССР, можно спорить. Централизм как субординированность, как органическое единство системы, устроенной иерархически, относится в СССР разве что к системе командования обществом. Но хозяйству внутренне не присущ централизм, нет экономической субординированности, нет единства, достигаемого через самостоятельность действий органически увязанных звеньев хозяйства. Централизм придан хозяйству как некий внешний для него объединитель, не дополняющий, а заменяющий собой экономические субординированные связи. Не централизм, а командование – вот что есть в советской экономике. Вопрос о демократизме отпадает при этом сам собою. В неправовом государстве, да еще при отчуждении народа от власти нет и не может быть демократического управления. Тип управления, свойственный хозяйству СССР, – командно-карательное управление.

Четвертая ложь о советском хозяйстве – будто оно ведётся планомерно, а планомерные решения, касающиеся хозяйства в целом, дополняются хозяйственной самостоятельностью и инициативами снизу. В принципиальном плане основные возражения на это связаны с приведённым выше раскрытием характера централизма. Тоталитаризму свойствен мертвящий централизм, когда движущее начало вынесено за пределы движущегося. Становясь внешним по отношению к хозяйству, управление приобретает вид командования, то есть полной противоположности самоуправлению, демократии, добровольному сознательному централизму. Планомерность как сознательная целесообразность вырождается при этом для хозяйства и для каждого хозяйствующего субъекта во внешний (спускаемый сверху) план, в жесткое предписание конкретных действий. Управляющий при этом действует планомерно, а управляемый – слепо, бессознательно, повинувшись указанию извне, по чужому плану. Хозяйствующие субъекты, люди, работники отчуждаются от планомерной деятельности. Их инициатива не имеет своим предметом их интересы, а своей целью – саморазвитие той хозяйственной среды (формы), в которой они находятся. Это инициатива исполнителя приказа. Правда, исполнение приказа в тоталитарной системе однозначно отождествляется с выполнением долга. Даже долг и совесть становятся критериями пригодности для исполнения только чужой воли, которую рекомендуется воспринять как волю собственную.

Словом, советская экономика, как её ни оценивай, не подходит под критерии социалистичности. То, что выдаётся обычно за ее социалистические якобы свойства, – не является социалистическим, а только называется «социалистическими» словами.

Четвертая сторона жизни советского общества – культура. В отличие от социалистической революции, призванной продолжить историческую традицию гуманизма и при-

умножить гуманистические накопления, тоталитаризм задерживает прогрессивное развитие, пытается повернуть его вспять, осуществить антигуманистическую (фашистскую) альтернативу в истории. Таким целям и действиям тоталитаризма адекватно враждебное отношение к культуре, к накоплениям цивилизованности. От презумпции неблагонадежности до истребления культуры – таков спектр «отношения» тоталитарных режимов к культуре. Сталинизм и брежневщина типичны в этом отношении.

Гуманизм, социализм, коммунизм (если рассматривать их как идейные течения и идеологии практических движений и обществ) нацелены на свободу развертывания своеобразия и разнообразия как на приоритетную социальную ценность. Разнообразие, своеобразие воспринимается как реальное богатство общества, как реализация его созидательных потенций, как активная культура в её конкретно-историческом виде. Напротив, для тоталитаризма разнообразие, своеобразие – признак слабости общества, его немонолитности, отсутствия единства. Рассматривая единство общества как фактор своей силы, тоталитаризм понимает единство исключительно как единообразие, как *монолитное единство*, а не единство разнообразного.

Тоталитаризм метафизичен как всякое субъективное насилие. Народ для него – объект окультуривания, пользователь одобренного вождями набора культурных благ и форм жизнедеятельности, но, конечно же, не творец новых форм и новых благ, тем более – не свободный их творец, не носитель и не верховный их ценитель.

Не буду развертывать этот тезис применительно к советской истории. Сегодня говорят страшные слова, оценивая итоги культурной политики сталинизма: бездуховность, отчуждение от культуры, разрушение культурных традиций и т. п. Думаю, все это – не издержки полемики, а предварительные оценки. Вся полнота разрушения пока еще нам не видна.

Так что и с этой стороны современное советское общество никак не выходит на социалистические критерии.

Резюмирую. Характер исходного состояния общества – *не социализм и не «ранний социализм», а казарменный псевдосоциализм, тоталитаризм.*

Четкое обозначение *сущностной противоположности* социализма и действительного состояния советского общества, которое является исходным для перестройки («доперестроечным»), невозможно переоценить. Вся концепция переходного периода (состояния), то есть вся концепция стратегии и тактики перестройки как социальной революции несет на себе глубочайший отпечаток того, какой вывод делается из сопоставления по существу социализма и «доперестроечного» состояния советского общества.

Если «доперестроечное» – это тоже социализм, то социальная основа общества признается доброкачественной и ее надо совершенствовать, обновлять, притом можно делать это и радикально. Так складывается концепция перестройки как переходного периода (и в формуле этой уже погашен политический накал, уже игнорирован антагонизм и уже слышатся сладкие мелодии «революции сверху»). Если же «доперестроечное» – не социализм, а тоталитаризм, то сама сложившаяся основа общества не может быть признана доброкачественной, и ее надо ломать, заменять принципиально иной – гуманистической, демократической. Так складывается концепция перестройки как социальной революции (и в формуле этой высок политический накал, пульс антагонизма бьется как сердце общества, слышатся позывные революции снизу – мощные, благородные, полные надежд на очищение).

Неправильная оценка исходного состояния, а также запаздывание с правильной его оценкой пагубно сказались на развертывании советской перестройки. Утверждение, что в СССР построен именно социализм (пусть с недоделками и с извращениями), в период массовой политической активизации (1988–1990 гг.) оттолкнуло очень многих от социалистического выбора, погасило «чувство социализма». Это чувство было иллюзией социализма, но люди ею дорожили, а значит, – она могла стать фактором социалистического выбора в перестройке.

Теперь положение осложнилось. Люди все больше переключаются на поиск выхода не на путях социализма, ибо для массы социализм стал синонимом сталинизма, тоталитаризма. Пошел массовый процесс внутреннего отказа людей от социалистического выбора. Возможно, это поветрие, неустойчивая тенденция, мода. Но тогда надо действовать, чтобы процесс стал обратимым. К сожалению, необходимых действий пока нет.

Известно, что ЦК КПСС назвал свою платформу «К гуманному, демократическому социализму». В проекте платформы дан абрис социалистического выбора, хотя проглядывают черты непоследовательности, во-первых, при отмежевании от прошлого, во-вторых, при определении способов перехода на социалистический путь развития. Не улавливая глубочайшей пропасти, несовместимости сложившегося тоталитарного строя и социализма, платформа ЦК КПСС упрощает и искажает реальное положение дел и реальную сложность исторического выбора. Позволю себе образное сравнение, чтобы резче обозначить суть обсуждаемой проблемы. В платформе ЦК КПСС рассуждение ведется по схеме «нам нужен не любой социализм, а гуманный, демократический, очищенный от извращений, деформаций».

Это похоже на то, как если бы кто-то объяснял: «Наша задача – достигнуть на шкале отметки 10, а сейчас мы находимся на отметке 6. Отсюда – масштаб задач». При этом упускался бы из виду «пустяк»: нам нужна отметка «плюс 10», а мы находимся на отметке «минус 6».

Понятно, что это уже иная ситуация и иной масштаб. Рассуждая о социалистическом выборе, наша партийная идеология сплошь и рядом упускает это различие между минусом и плюсом, преподносит построенный у нас казарменный псевдосоциализм как социализм, как доброкачественную основу социалистического выбора. В этом – огромное заблуждение. И притом опасное для судеб социалистического выбора.

Ведь взяв за основу тоталитарный псевдосоциализм, нельзя построить социализм, а можно на демократический лад модернизировать тоталитаризм.

Кризис: причины, стадии, степени остроты

Долгое время решающие причины неблагополучия в нашем обществе (падение темпов развития, эффективности, неповоротливость воспроизводственной структуры, невосприимчивость производства к научно-техническому прогрессу и т. п.) видели в экономике. Было стереотипное объяснение: а) гигантски выросли производительные силы, усложнились хозяйственные связи, а формы и методы хозяйствования остались практически неизменными; б) эти формы и методы (как и весь строй производственных отношений) когда-то были эффективными и передовыми, а ныне устарели и стали тормозом развития производительных сил; в) нужно изменить формы и методы, производственные отношения, чтобы дать простор развитию производительных сил.

С такими представлениями о причинах «негативных явлений» и путях их преодоления мы вышли к экономической реформе 1960-х годов. Судьба реформы показала, что причины кризисных явлений мы вскрывали тогда недостаточно глубоко. Были упущены из виду причины причин. Экономическая реформа была свернута не случайно. Она шла вразрез с корнями социально-политической системы.

Не надо думать, что в 1950-е и 1960-е годы никто не догадывался, что экономическая реформа будет воспринята в штыки правящими органами. Но в том-то и дело, что, предвидя такое сопротивление, сторонники реформы не сомневались, что это сопротивление будет сломлено. Во-первых, потому, что перемены в экономике – перемены в основе общества, так что надстройка должна будет «прийти в соответствие». Во-вторых, сопротивление может исходить, считали мы тогда, от людей и органов, отступивших от социалистического характера системы. Ожидали, что в ходе реформы эти отступления будут устранены, наша социалистическая система возьмет верх. Жизнь заставила нас извлечь уроки из опыта реформы 1960-

х годов, переменить и расширить представления о причинах и характере кризиса. Обратите внимание, что система предлагаемых направлений и мер экономической реформы в 1980-х годах принципиально близка к замыслам реформы 1960-х годов. Но общественный контекст реформы понимается сегодня принципиально иначе.

Начать хотя бы с того, что нужда в экономической реформе проистекает, как теперь стало ясно, не потому, что произошло мощное развитие производительных сил, а потому, что осуществилось и продолжает осуществляться экстенсивное наращивание мощностей и производства, не отвечающих современным научно-техническим возможностям. В результате – некомплексность, диспропорции, консервативность техники, технологии и организации производства.

Привычным стало утверждение, что в предвоенные годы нынешние принципы и формы хозяйствования были эффективны, позволили достигнуть поставленных целей. Но теперь, когда мы стали смотреть на прошлое трезвее и критичнее, напрашивается вопрос: а действительно ли в довоенные годы ставились и достигались народные, социалистические цели?

Сегодня причина экономической реформы видится, следовательно, иначе: надо переменить экономическую систему, сложившуюся в «сталинскую эпоху». Эта система ни тогда, ни позже не позволяла организовать хозяйство на основах всемерного развития инициативы масс, утилизации новейших достижений науки и техники. Этот вывод принципиален: не обновить и усовершенствовать, не развить дальше сложившуюся систему организационно-экономических отношений, а признать её недоброкачественной основой и заменить принципиально новой системой.

Вторая крупная перемена в понимании существа экономической реформы связана с уяснением действительной роли политики в осуществлении хозяйственных преобразований. В 1960-е годы многие из нас сокрушались, что на проведение экономической реформы не выделялось даже минимально необходимых (стартовых) ресурсов. Реформа наша, острили мы, бесприданница. Некоторые, впрочем, добавляли: «и беспризорица», имея в виду пассивность высшего партийного и хозяйственного руководства в деле проведения реформы. Насчет пассивности мы были, как теперь стало понятно, совершенно не правы. Пассивность и была активной формой действия против реформы. Неудача реформы 1960-х годов прояснила теснейшую связь экономики и политики, опрокинула экономико-материалистические (экономико-детерминистские) иллюзии насчет того, что экономическая реформа мало-помалу активизирует и улучшит политическую систему. Оказалось иначе: экономическая реформа может подводить более прочную основу под политическую власть, но не может качественно «перестраивать» политическую систему. Если власть не работает на реформу, реформе не бывать. В 1960-е годы политическая система не работала на реформу, отчасти работала даже против реформы (в идеологии это проявилось как организованная травля так называемого «рыночного социализма» и третирование товарно-денежных отношений как несоциалистических, антисоциалистических).

Стало быть, сейчас мы не делаем прежней оплошности и не упускаем из виду, что экономическую реформу (тем более радикальную) можно сделать только при условии активного действия в пользу реформы всей властной структуры в обществе и в хозяйстве. Но тут возникает самый острый вопрос: примет ли и поддержит ли сложившаяся политическая система радикальную экономическую реформу?

Почему она не поддержала реформу такого типа в 1960-е годы? И изменилась ли с тех пор политическая система?

Политическая система с тех пор в принципе не изменилась. И радикальную экономическую реформу эта система не поддержит, постарается опрокинуть по тем же причинам, что и в 1960-е годы. Дело в том, что экономическая реформа строится на принципах демократизации хозяйствования, а имеющаяся (созданная сталинизмом) политическая система не только не

является демократической, но и представляет собою антипод демократии. Она – тоталитарная система.

В 1960-е годы многие из нас исходили из того, что в принципе в нашей стране и в нашем хозяйстве имеет место демократический централизм, вот только под влиянием особых обстоятельств приходилось делать «перекос» в сторону централизма, а теперь надо как бы подбавить демократии. Не все заметили тогда явную фальшь конструкции «централизм сверху плюс демократизм снизу». В том-то и дело, что такой слоеный демократический централизм оставляет верх без демократии, а низ – без доступа к проблемам, решаемым в центре. Мне приходилось в 1960 – 1970-е годы критиковать такое понимание демократического централизма (но не думаю, что эта критика была услышана даже коллегами). Лишь к концу 1970-х годов стало ясно, что критика должна идти дальше. Тоталитарная система создает такой централизм, который принципиально не приемлет демократических методов ни сверху, ни снизу. Адекватные ему методы – командно-караательные. Демократизация же остается лишь на словах, как мираж для отвода глаз массам. Любые мероприятия по демократизации, приемлемые для тоталитаризма, – это хоровод вокруг командно-караательной власти, это «воспитание чувства демократии» при отсутствии самой демократии.

Тоталитаризм и есть коренная причина кризиса советского общества и его экономической системы. Не в экономике, а в политической системе коренится причина всех наших бед.

Отсюда следуют по крайней мере два вывода:

1) поскольку причины кризиса имеют явно выраженный политический характер, постольку и преодоление кризиса зависит в решающей мере не от экономических, а от политических действий;

2) стадии развития кризиса и степени его остроты отражают главным образом политическое состояние тоталитарного общества, а экономика при всей ее важности – фактор не первого, а второго ряда.

В соответствии с теорией деформаций и перерождений социализма¹², деформация строя является кризисным, неустойчивым состоянием общества, когда противостоят тенденции к выходу (или возврату) на траекторию, ведущую к первоначальной цели общества, и к окончательному перерождению строя. Движущей силой выхода из деформации является та массовая сила, в сознании которой первоначальные цели движения остаются приоритетными.

Казарменный «социализм» – это такая деформация общества, при которой тоталитарная политическая система отчуждает народ от власти в обществе и в хозяйстве, руководит обществом и хозяйством командно-караательными методами, прикрывает свои подлинные цели и средства (в том числе эксплуатацию и угнетение человека и народа) социалистической фразеологией, в то время как трудовой народ в своем большинстве предан идеалам социализма как идеалам свободы, добра, гуманизма, справедливости и мира.

Представление о казарменном псевдосоциализме как о перманентно кризисном состоянии общества позволяет рассматривать стадии развития казарменного строя как стадии кризиса. По-видимому, история советского варианта тоталитаризма позволяет выдвинуть в качестве гипотезы следующие стадии:

– становление тоталитаризма (от контрреволюции до достижения монолитного единства). Самоназвание этой стадии в СССР – сталинская эпоха;

– поддержание тоталитаризма в устойчивом состоянии (эпоха организуемого застоя). Самоназвание этой стадии в СССР – реальный социализм;

– разложение и ослабление тоталитаризма, попытки его оживления, модернизации. Самоназвание этой стадии в СССР – перестройка, или переходный период.

¹² Первые публикации об этом см. в кн.: Очерки политической экономии социализма. – М.: Наука, 1988, с. 57–65; Б.В.Ракитский. Политическая экономия социализма сегодня. – М.: Наука, 1989, с. 88–105.

Возможна, как показал опыт Румынии, стадия агонии тоталитаризма.

Степени остроты кризиса могут быть определены по степени обострения антагонизмов. Исходным является политическая активизация масс. В зависимости от благоразумия тоталитарной власти степень и формы ее противостояния народу могут быть разными. Крайняя по остроте степень кризиса – открытое столкновение властей и народа, например, в форме восстания (Венгрия 1956 г., Румыния 1989 г.). Самая мягкая степень – инакомыслие как заметное социальное явление.

В СССР к весне 1990 г. наблюдается средняя степень остроты кризиса. Ее характерные приметы: народ не доверяет руководству; власти перестают изображать из себя защитников интересов народа, выдвигают идею «сильной власти», «сильного центра» и т. п.; возникают первые акции массового неповиновения, массового протеста, массового вызова тоталитарным властям.

Возможные варианты преодоления кризиса

Из трех идеологий перестройки (нео сталинистская, революционно-демократическая и либерально-прагматическая) одна явно не даёт надежд на преодоление кризиса. Это нео сталинизм. Он рекомендует возврат к старым, сталинским порядкам в модернизированном виде, то есть консервирует причины кризиса, насильно подавляя его проявления. Две других идеологии отражают программу действий по преодолению кризиса. Стало быть, два варианта выхода из кризиса существуют сейчас как основные.

Если говорить броско, то варианты эти таковы: реформы («революция сверху») и революция (революция снизу). Фактически силы общества распределяются между этими вариантами. И эти силы не обязательно должны конфронтировать. Более того, на первом этапе разрешения общественного антагонизма силам этим по пути – от тоталитаризма к демократии. Но заметьте – по пути им лишь в политической области. Тоталитаризм – главный враг, антинародная сила. Его антипод – демократия, власть народа. Однако народ не един, имеет структуру. По этой причине демократия оказывается понятием с разными смыслами для разных социальных групп.

О нашем советском тоталитарном обществе мы приучены рассуждать по сталинской схеме: это общество, где народ состоит из классов рабочих и колхозников и прослойки – интеллигенции. На самом деле социальная структура тоталитарного общества не может быть описана в терминах классовой структуры. Тоталитарное общество – кастовое. Мы живём сейчас в обстановке перехода от кастового, тоталитарного к классовому, правовому обществу. Эта особенность переживаемого нами перехода и объясняет, почему понятие «демократия» имеет разный смысл для разных социальных групп, а лучше сказать – для разных людей, ориентированных на разные социальные интересы. Ибо будущие социальные группы ещё не сформировались на деле, а существуют пока что в идеале, в сфере субъективных устремлений людей, принадлежащих к той или иной касте тоталитарного режима.

Так вот: одни тянутся к абстрактной демократии, которой не может быть в действительности; другие – к буржуазной демократии, третьи – к народной, революционной демократии. По мере продвижения от тоталитаризма к правовому обществу вариантов остаётся два: буржуазная и народно-революционная демократия. Это варианты политического результата преодоления кризиса (ухода от тоталитаризма).

Что же касается экономических процессов, то и здесь складываются два возможных варианта:

1) переход от эксплуататорской системы тоталитарного государства к более цивилизованным формам капиталистической эксплуатации, становление частнопредпринимательской экономики;

2) переход от эксплуататорской системы тоталитарного государства к системе хозяйствования под руководством народного государства.

В соответствии с этими вариантами формируются и ключевые лозунги. Один из них – разгосударствление, другой – самоуправление. Поскольку в реальном перестроечном процессе складывается большая «сумятица в мозгах» (хорошо выразился М. С. Горбачев!), многим кажется, что разгосударствление, самоуправление (вдобавок к этому переход к рыночной экономике) – все это одно и то же. Но это совсем не одно и то же. Тенденций складывается две: 1) к буржуазной демократии и частнопредпринимательской организации хозяйства, что закрывает перспективу социалистического выбора, и 2) к народно-революционной демократии, когда государственная власть переходит в руки трудящегося народа и меняет характер собственности, оставляя возможность двигаться к обществу без эксплуатации трудящихся.

Основные социальные силы перехода

В кастовом обществе большая часть людей лишена возможности влиять на структуру и перспективы развития общества. В условиях антитоталитарных перемен, разложения и падения тоталитаризма возможность такого влияния оказывается реальной. При этом новые структуры общества не обязательно должны образовываться как комбинация прежних каст в их полном составе. Этим объясняется, в частности, что среди консерваторов-неосталинистов встретишь ныне и рабочих, и крупных писателей, и ученых, и крестьян. А среди либералов-реформаторов могут оказаться представители высшего руководства КПСС, генералы, опять-таки рабочие, ученые и др. Даже в революционно настроенных силах возможны представители разных каст, притом не в единичных количествах, а во множестве. Социальная структура делается мобильной. Переход к новому общественному состоянию совершает не только общество в целом, но и отдельные группы, группки, формирования и лица.

И всё же можно выделить основные социальные силы, активно участвующие в переходе от тоталитаризма к демократии. Взаимодействие этих сил формирует облик переходных процессов. Что же это за силы?

Первая – *инициаторы перестройки*. В условиях тоталитарного строя идея перестройки, демократизации систематически подавляется, а носители и выразители этой идеи приобретают статус диссидентов. Эпоха брежневщины-андроповщины породила новые жестокие и изощрённые формы борьбы с инакомыслием и политической активностью (карательная психиатрия, преследования по политическим мотивам, лишение гражданства, ostracism, всенародное осуждение и др.). Подавление идей демократизации входит в механизм организации так называемого застоя. Суть этого механизма – вытравить саму возможность появления политических инициатив и методично пропалывать редкие ростки и свободомыслия, и даже просто инакомыслия. Тоталитаризм осуществляет геноцид инициативы снизу, какой-либо самостоятельности в общественных сферах деятельности.

По указанной причине инициаторы перестройки как социально значимая сила могут возникнуть в тоталитарных условиях либо как диссидентская общность, либо как часть правящей касты, решившей по тем или иным причинам модернизировать режим. Несмотря на совершенно разные конечные цели, обе категории инициаторов перемен добиваются устранения старых форм и методов господства в обществе. Начинается критика сложившейся реальности. Направленность и границы этой критики «реформаторы сверху» пытаются установить в пределах понимаемых ими задач государственной безопасности. На этой стадии идет в ход идеология примата общечеловеческих ценностей, выживания, идеи типа «все мы по одну сторону баррикад» или «все мы в одной лодке».

Политика ограниченной (дозированной) критики устаревших антинародных порядков получила название политики гласности. Это большая заслуга «реформаторов сверху». Она

часто недооценивается, но только потому, что современники – не историки, они сравнивают перемены не столько с тем, что было только что, сколько с потребностями общества. А потребности эти значительно превосходят дозы гласности. Вот почему она разными путями расширяется за рекомендуемые сверху пределы, охватывая постепенно как весь круг общественных явлений, так и мало-помалу существо сложившегося строя.

Инициаторы перестройки оказываются при этом в массе своей отстающими от реальных процессов. Все чаще и чаще имеющим власть инициаторам («новой номенклатуре») кажется недопустимой и нарушающей элементарные порядки в обществе инициатива «неформалов». Появляется целая череда «несанкционированных» инициатив. «Реформаторы сверху» становятся в позу охраняющих перестройку от экстремистов, сепаратистов, авангардистов, безответственных элементов. Инициаторы-диссиденты также далеко не всегда способны догнать реальные процессы, но они не могут существенно повредить им.

Вторая сила – *«несанкционированные»*. Их правомерно рассматривать всех вместе, невзирая на подчас противоположные воззрения и несовместимые способы действия. Появление «несанкционированных» в более или менее заметных масштабах – свидетельство новой стадии перехода, когда значительная (заметная) часть общества сознательно противопоставляется сложившимся порядкам, в том числе и установленным сверху порядкам проявления инициативы. Появление «несанкционированных» расслаивает «реформаторов сверху» на тех, кто продолжает быть за перестройку, и тех, кто начинает блокироваться с консерваторами.

Третья сила – *активные консерваторы*. Они консолидируются на платформе защиты прежних порядков как якобы социалистических. Их непосредственное влияние в обществе убывает, их не слушают вовсе или воспринимают как экзотику тоталитаризма. Однако они сплочены, в этом их сила и способность к реваншу в случае какой-либо конкретной возможности. Их реваншистские вылазки возбуждают антитоталитаристские силы, помогают им сплотиться, увидеть свою подлинную значимость (яркий пример – демонстрации и митинги в Москве 4 и 25 февраля 1990 г.). Но вылазки и вся деятельность консерваторов углубляют ошибку отождествления тоталитаризма с социализмом. В итоге социалистический идеал (тем более идеология марксизма-ленинизма) утрачивают свои былые позиции в общественном сознании. Деятельность консерваторов, рекламирующих себя как поборников социализма и марксизма-ленинизма, постепенно сводит на нет шансы подтверждения народом социалистического выбора.

Четвертая сила – *народная масса*. Она не расчленена в политическом отношении, нет устойчивых оформившихся ориентиров в политической перспективе. Сейчас это, к сожалению, часто «толпах», настроением которой можно воспользоваться как в добрых, так и в злых целях. Такое состояние народной массы крайне опасно, чревато катастрофами. В ходе вызревания революции вовсе не обязательно состояние, когда народная масса начинена по преимуществу настроениями отрицания и разрушения. В условиях советской перестройки такая ситуация создавалась потому, что «реформаторы сверху» очень сильно запаздывали, отставали от реальности, слишком сильно блокировались с консерваторами и тем самым способствовали сосредоточению усилий здоровых сил почти исключительно на прорывах сквозь запреты и разного рода препоны и рогатки.

Так сложились в СССР (конкретно – в России) основные действующие политические силы к весне 1990 г. Это: инициаторы перестройки, считающие перестройку чем-то вроде своей собственности; те, кто «рвется к власти» (так о них пишут официальные газеты), то есть «несанкционированные»; консерваторы, то есть те, кто цепляется за власть; и, наконец, «народ, которому все надоело и который устал ждать».

Само собою понятно, что это ситуативная характеристика политических сил, их моментно зафиксированная диспозиция. Социальный, то есть устойчивый разрез отличается от ситуативного. В общем плане этот разрез ясен. Это антагонизм командно-карательной вла-

сти и народа. Появление «несанкционированных» и слабо структурированной народной массы (по существу «толпы») стало обозначать этот антагонизм, однако в крайне опасном ракурсе. Дело продвигается у нас (если давать оценку на март 1990 г.) пока что в сторону обостренных форм противостояния властей и народа. А в интересах народа – не восстание, не румынский вариант революции, а ее мирное развитие.

Хотелось бы со всей определенностью подчеркнуть, можно сказать, абсолютное расхождение взглядов «реформаторов сверху» и сторонников революции снизу на вопрос о возможности и способах обеспечения мирного характера перехода. Либералы (сторонники исключительно «реформирования сверху») уверены, что мирный переход можно обеспечить путем разработки руководством программ и сценариев перехода с тем, чтобы народ активно включался в исполнение таких программ и сценариев. То есть трудовая масса должна ждать решений сверху и быть инициативной в их исполнении. Либералы путают ситуацию революции с ситуацией обычного, так сказать, повседневного эволюционного обновления. В условиях революции мирный переход совершается совсем не так. Мирный характер гарантируется подъемом массы до самых вершин власти, полной доступностью власти для массы. Другими словами, мирной революции не может быть без развертывания двоевластия. Вот где корень, вся сущность решения о мирном характере перехода в обстановке общедемократической революции.

Опыт ряда стран, в том числе и СССР в 1988–1990 гг. подтверждает это. Ведь совсем не случайно все нити политической активности сошлись в СССР в 1989 г. на отмене статьи 6 Конституции, то есть на вопросе о единовластии КПСС в обществе.

Если устранение конституционного оформления монополии КПСС на государственную власть получит развитие в реальной демократизации политической жизни, путь к мирному развитию перестройки будет открыт. Сейчас требуется создание массовых политических партий и движений, способных представить и отстаивать интересы формирующихся классов общества. Крайне желательно также создание параллельных властных структур, способных подготавливать опыт народа в управлении делами общества. Надо помнить, что мирная революция всегда проходит стадию двоевластия.

Сейчас можно лишь гипотетически обозначить основные социальные силы дальнейшего перехода от тоталитаризма к демократическому обществу. Отметим среди них:

а) рабочее демократическое движение. Это большая сила, активность которой является гарантом мирного хода перестройки;

б) народно-освободительные движения. При мирном, то есть достаточно благоприятном развитии революции такие движения становятся её мощным фактором. Напротив, блокирование мирного развития революции усиливает националистические моменты в народно-освободительных движениях;

в) общедемократическое народное движение на базе ясно осознанных интересов и политической организованности разных социальных групп;

г) реакционное движение сил, защищающих имперский характер Союза ССР, тоталитаризм, монополию на власть одной партии.

Повторяю, мы живем в кастовом обществе, а переходим к классовому. Разграничить социальные силы переходного периода как по прежним кастам, так и по будущим классам невозможно. Переходный характер общества и его структуры заставляет мыслить о социальных силах общества не категориями «каста» или «класс», а категорией «движение». Как только революция развернется и достигнет исторического перевала, станут различимыми и более или менее устойчивыми будущие классовые деления.

Стратегическая программа перехода и последовательность действий

Самые большие сложности перехода от тоталитаризма к демократическому обществу возникли и возникают в СССР потому, что командно-карательная система власти не желает освобождать историческую сцену, затрудняет рождение нового, мимикрирует под новое. Главный вопрос – расчистка пути новому в экономике, культуре, нравственности посредством кардинального изменения типа власти, посредством перехода власти к народу.

Пока не возникнет народовластие, будет вновь и вновь повторяться провал одной экономической программы за другой. Только правительство, пользующееся доверием народа, способно осуществить действенные меры по выходу страны из кризиса, в том числе и экономического.

Такая принципиальная констатация не исключает возможности готовить и обсуждать экономические программы оздоровления. Если не ошибаюсь, весной 1990 г. правительство в срочном порядке приступило к разработке программы форсированного введения рыночной экономики. До этого была программа, утвержденная II Съездом народных депутатов СССР, а еще раньше – программа, созданная в 1987–1988 гг., начиная от закона о предприятии и кончая законами о кооперации, об индивидуальной трудовой деятельности и рядом других.

Вопрос об общей концепции реформы – один из наиболее сложных и актуальных. Нередко высказываются сомнения насчет того, есть ли у нас вообще общая концепция радикальных преобразований. По-видимому, такие сомнения вызваны мнением, что концепция представляет собой некий писанный и утвержденный проект, а то и с приложениями сетевого графика мер, с проектным заданием для каждой меры и т. д. Но новое состояние механизма хозяйствования нельзя спроектировать наподобие обычного механизма. Метафорическое (через термин «механизм») изображение системы организационно-экономических отношений не должно вводить в заблуждение.

Мне думается, что неправильно требовать и сколько-нибудь детализированного описания будущего состояния этих отношений. Не надо забывать, что новое состояние общественных отношений (в том числе их составной части – организационно-экономических отношений, или же хозяйственного механизма) складывается как результат живого творчества народа. Заранее этот результат невозможно спроектировать, в особенности детально. Но направления перемен можно и предвидеть, и обосновать как цель. В этом случае концепция перемен (особенно если это радикальные перемены) приобретает вид совокупности взаимоувязанных сдвигов, дающих в итоге новое качество. Само это новое качество может быть строго определено не детальными, а сущностными характеристиками. Помимо этого концепция радикальных преобразований предполагает и определение социальных сил, призванных и способных осуществить такие преобразования.

К 1987–1988 гг. сложилась достаточно убедительная и полная система представлений о направлениях и принципиальных мерах радикальных реформ экономической и политической систем. Осенью 1989 г. правительство выдвинуло концепцию «углубления реформы» и мер по оздоровлению экономики. Преемственность новой концепции с первоначальной не очевидна, требуется экспертиза на предмет их взаимосоответствия. Есть основание предположить существенное несоответствие новых подходов тем, которые были провозглашены в 1987–1988 гг.

Полагаю, что концепция 1987–1988 гг. не требует пересмотра по существу, что ее развитие должно происходить без отступления от основных принципов. В этой концепции (хотя и она не без недостатков) определено новое качество, которого требуется достичь в итоге пере-

стройки. Это слом командно-карательной системы управления, замена ее демократическим централизмом¹³.

Этот общий стержень преобразований объединяет кардинальные перемены по важнейшим сферам и функциям хозяйственного руководства. Среди них перераспределение функций между уровнями управления; укрепление единого государственного руководства в области целеполагания, прогнозирования, перспективного планирования и комплексного целевого программирования; расширение хозяйственной самостоятельности и круга компетенций каждого из уровней и звеньев управления; развертывание социалистического рынка, более полное использование регулирующих потенций товарно-денежных отношений, развертывание эффективного разнообразия форм хозяйствования; реформа финансовых взаимоотношений хозяйственных звеньев с государством (с обществом); усиление экономического стимулирования и т. д. Органическая увязка реформ экономической и политической систем происходит в виде всесторонней и последовательной демократизации как хозяйственной жизни, так и всего общества.

К сожалению, промедление с демонтажом сталинистской системы, с демократизацией обусловило ряд принципиальных ошибок и факторов, сразу же блокировавших экономически грамотную программу 1987–1988 гг. Уже в момент разработки программы была выдвинута концепция – «начать с предприятия», или, другими словами, концепция предприятия как основного звена, за которое надо всеми силами ухватиться на начальном этапе экономической реформы, чтобы успешно осуществить всю реформу. Я пришел к выводу, что эта концепция ошибочна, не способствует успеху реформы, неверно определяет приоритетность задач в перестройке хозяйственного механизма.

Лозунг «начать с предприятия» очень выигрышен в социально-психологическом плане. Действительно, сразу создается впечатление, что взяли быка за рога, что дело делается в самом эпицентре столкновения всех интересов – в конкретных трудовых коллективах, в производящих звеньях. Однако очень скоро неизбежно выясняется, что предоставленные предприятию права и свободы в законе записаны, а в жизни нереализуемы, что новые правила хозяйствования выглядят маниловщиной перед десятилетиями отлаженной, почти монолитной привычной практической системой. Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)» был введен в действие в 1988 г. и почти сразу же обнаружилось, что действовать в хозяйстве по этому закону практически невозможно. Оказалась неготовой система организационных отношений, органов управления и институтов общества.

Хозяйствующее звено – то общественное пространство, на котором основной массив организационно-экономических отношений выходит наружу в максимально конкретных формах, в сложнейших и притом весьма изменчивых комбинациях. Здесь разнообразие максимально, здесь поверхность экономической жизни. Однако было принято решение зарегулировать в первую очередь это пространство, это звено. Сказались, видимо, добрые намерения создать целостную модель хозяйственного механизма. Сказалось и то, что для центральных органов управления самым привычным делом было решение конкретных вопросов работы предприятий (то, что называют ещё мелочной опекой).

Однако смоделировать конкретное можно, лишь уйдя от конкретности, упростив представления до сущности, оперируя содержательными абстракциями. Так выходит, что смоделировать работу предприятия – это значит разложить эту работу на функции и на устойчи-

¹³ Термин «централизм» всегда пугает наших современников. «У нас, – писал В. И. Ленин еще в 1913 г., – смешивают постоянно централизм с произволом и бюрократизмом. История России, естественно, должна была породить такое смешение, но оно остается все же безусловно непозволительным для марксиста» (Поля. собр. соч., т. 24, с. 144). С тех пор произвол сталинистского типа усилил тягу к отождествлению централизма с тоталитаризмом. Сталинистский централизм называл себя демократическим централизмом. Как же трудно теперь пользоваться категорией «демократический централизм» в её подлинном смысле!

вые комбинации функций, типизировать их, найти формы реализации в масштабах народного хозяйства. Но это значит, если вдуматься, выработать структуру функций управления народным хозяйством и организационную схему распределения (комбинации) функций по уровням управления, типам хозяйствующих звеньев.

Но составители закона о предприятии пошли иным, испытанным путем – составили свод деклараций о правах предприятий, соединив с инструктивным материалом. Предполагалось, что начав действовать по этому закону, предприятие даст мощный импульс переменам по всей надстройке над собою. Так бы, может быть, и случилось, если бы по закону 1987 г. предприятие могло начать полноценно действовать. Увы, даже те импульсы, которые пошли от предприятий, не были восприняты всей системой органов управления. Дело приостановилось в положении, очень близком к исходному.

Почему же так получилось? Потому что закон о предприятии 1987 г. – образец доперестроечного мышления (в смысле подходов, методологии разработки). В самом деле, как шла мысль? Наверное так (и примеры тому можно найти в публикациях): 1) экономика – решающий фактор, перестроим экономику – перестроим и все общество; 2) предприятие – основное звено хозяйства; 3) производительные силы, производство имеют примат в обществе, развитие производства вызывает цепную реакцию прогрессивных изменений; давайте начнем с перестройки на производстве – и всем придется подравнивать свой шаг под перестроившееся производство; 4) демократия – хорошо, но прежде чем заниматься политикой, человек должен есть, пить и одеваться, производить, распределять, обменивать, потреблять. Давайте наладим экономику – и тогда демократия примет не форму разглагольствований на митингах, а форму полезной активности на производстве прежде всего, а кроме того и в обществе; 5) пока человек не станет хозяином в своем цехе, на своем заводе, как он может стать хозяином страны? Не надо громких слов о демократии вообще, начните с хозяйского отношения к своему рабочему месту, с бригадного хозрасчета, подряда, с самоуправления в своем коллективе, с выборности своего руководителя. И так далее.

Есть разные формулировки, определяющие суть такого хода мысли, подобной методологии. По-житейски просто сказал Ф.Энгельс: иногда придают «больше значения экономической стороне, чем это следует»¹⁴. Грубопрямолинейная наука вешает ярлыки «экономического материализма», «экономического детерминизма». Будем избегать ярлыков – они обижают. Обратим лучше внимание на то, что в приведенном способе рассуждений политика всегда оказывается следствием, а экономика причиной. В жизни так не бывает: они взаимодействуют и определяют друг друга, притом не только в порядке обратного, но и в порядке прямого влияния. В этом-то вся суть диалектического и исторического материализма. Жаль, что мы практически утратили эту методологию.

Концепция «начать с предприятия» породила узаконенную модель государственного предприятия. Разнообразие форм свелось к двум моделям хозрасчета. Почти сразу выявилось, что это ничтожно узкий выбор, а главное, – все нарождающиеся инициативные формы хозяйствования оказались обреченными появляться не иначе, как незаконнорожденными. Хорошенькая оказалась гарантия для инициативы! Впрочем, инициатива инициативе рознь. Одна инициатива (законопослушная) либо заглохла, либо пошла на поклон в парторганы (за поддержкой), в хозяйственные и советские органы (за разрешением). Тем самым инициатива не ломала старые порядки, а закрепляла их. Другого рода инициатива воспользовалась неурегулированностью тех или иных отношений и откровенно приступила к экономическому разбою, самоуправству. Тут уж власти стали прибегать к пресечению не по закону, а по своему усмотрению.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 396.

Вывод: приоритетная задача (основное звено цепи) оказалась выбрана неверно. Сосредоточение основного внимания на предприятии увело из поля зрения кардинальные проблемы преобразования общества в целом, без чего существенно изменить условия деятельности любого звена и их совокупности просто невозможно, нереально. Предприятие было поставлено в условия, когда оно должно было впредь до осуществления политической реформы бороться со всей старой по существу системой управления, да еще и поддерживаемой прежней недемократической политической системой. Это парализовало ход экономической реформы в самом начале. Была повторена ошибка реформы 1966–1968 гг., когда также начали с предприятий (воссоздание министерств – не в счет, это была воссоздана антиреформенная сила). В итоге дальше предприятий и не двинулись. Тогда, правда, здорово выручил энтузиазм заводчан. Сейчас реформа сколько-нибудь широкого энтузиазма не вызвала.

Таковы мои доводы в пользу утверждения, что главная причина неудач хозяйственного реформирования остается той же, что и 25 лет назад: разъединенность экономики и политики, неумение видеть их взаимоувязанность, неумение и нежелание наладить эффективное политическое сопровождение хозяйственной реформы – последовательную и уверенную десталинизацию, демократизацию на деле, переход к народовластию.

«Начать с предприятия» – концепция неверная. Верная – «начать с государства». Мысль проста. Чтобы охватить все самое важное и не увязнуть в подробностях, не поставить ненужных ограничений, нужно принять решения о развитии и преобразовании хозяйства как целого. При этом, само собой разумеется, не забыть, что хозяйство – это лишь система средств для достижения целей общества. Поэтому цели и характер обновления общества должны быть взяты в расчет при реформировании хозяйства в целом. То есть начинать надо не со звена хозяйства, не это считать исходным пунктом реформы, а с изменения целообщественного масштаба. Наилучшим образом мы учтём это требование и со стороны задач экономической реформы, и со стороны ее связи с необходимыми политическими преобразованиями, если приоритетным делом будем считать реформу государства, начнём с государства.

Напомню, что характер государства воплощает в себе главное противоречие общества. В нашем обществе – это антагонистическая отчужденность народа от власти, а властей – от народа. Такая отчужденность пронизывает все сферы, экономику в том числе. Начиная с решения проблемы взаимного отчуждения народа и властей, мы начинаем с коренной проблемы предстоящей революции (перестройки) – оздоровление общего климата в обществе. Начиная с государства, с его переделывания, мы волей и неволей ставим в центр внимания стратегические вопросы и обсуждаем их в ракурсе социальных сил, реально способных изменить положение дел в обществе.

Определим круг ключевых проблем, которые нужно рассмотреть, если начинать от государства.

1. Становление народовластия. Существо власти. Собственность как власть в хозяйстве. Народ и человек как хозяева.
2. Общее направление выхода из кризиса. Реальность социалистического выбора. Целесообразна ли и возможна ли конвергенция нашего общества с капитализмом? Общепародность или многоукладность? Многоукладность или разнообразие форм ведения социалистического хозяйства?
3. Социальная защищённость и социальная справедливость. Проблема доверия народа государству и правительству.
4. Реформа Союза ССР и новые принципы организации народного хозяйства.
5. Нормализация обращения (цены, снабжение, рынок).
6. Социальная защищённость трудящегося (трудовые права и свободы, формирование и реализация трудового дохода).
7. Нормализация денежного обращения.

8. Реформа общественных фондов потребления.

Есть и другие проблемы, но мы ограничимся рассмотрением некоторых из перечисленных, ибо их совокупность достаточно полно отражает взаимосвязь социальных и экономических аспектов созидательных дел революционной перестройки.

Ключевые проблемы перехода

Рассмотрим в самом конспективном виде решающие проблемы выхода страны из кризиса.

Власть, собственность, хозяин. Власть есть объединяющее действие (сила). В обществе с отчуждением и в обществе без отчуждения власть имеет разный характер и разные формы. При отчуждении власть принудительна, в справедливом обществе власть опирается на поддержку управляемых, на добровольность их действий, на понимание справедливости требований со стороны власти. Вот это отношение к власти как к справедливо действующей объединительной общественной функции – суть демократии. Нам предстоит перейти от общества, в котором власть основана на принуждении, к обществу, в котором власть основана на добровольном, осознанном принятии законов и установлений как норм жизни в обществе. Принуждение – формальная власть, непрочное объединение, способное ослабевать и распадаться. Как ни велика принуждающая сила, народ всегда сильнее её. Но он сильнее в потенции. Главная задача принудительной власти – не дать потенции стать реальностью, не дать народу активизироваться. Всякая активизация ведёт к осознанию народом своей силы, своего первородного права на власть. Даже простейшая форма активизации – высказывание собственного мнения – необратимый удар по принуждению.

Собственность неправомерно сводится у нас к имущественным отношениям, тогда как собственность – это и власть в хозяйстве. В этой связи хозяин представляется не как собственник имущества, а как собственник процесса воспроизводства, суверенный субъект хозяйствования.

Крайне важно, чтобы была глубоко понята взаимосвязь народа и человека как хозяев, собственников, субъектов ведения хозяйства. Разные типы этой взаимосвязи лежат в основе разных типов обществ, разных типов хозяйственного устройства (способов производства или хозяйственных укладов). Когда трудящийся народ осуществляет верховную власть в обществе и в хозяйстве (в строгом смысле слова это и есть социализм), тогда положение каждого труженика и трудового коллектива как реальных хозяев (суверенных субъектов хозяйствования, собственников) обеспечивается их функцией представителей всего народа в сфере их хозяйственной деятельности и реальной доступностью для них пользоваться демократическим общенародным государством как политическим выразителем и проводником их интересов. В этой связи общенародная собственность – не глупость и не способ отчуждения трудящихся от производства. Тоталитаризм помпезно (но без всяких оснований) называет свою антинародную экономическую систему государственной собственностью, общенародной собственностью, социалистической собственностью. На самом деле в государственной собственности тоталитарного (сталинистского) режима нет ни грана ни общенародности, ни социалистичности. В условиях же действительного народовластия, в условиях социализма общенародный характер собственности есть критериальный признак социалистичности экономической системы, способа производства. Это вывод фундаментального характера. Прошу обратить на него особое внимание.

Магистральное направление и варианты выхода из кризиса. Магистраль преодоления кризиса предопределена тем, что коренная причина кризиса – тоталитаризм, командно-карательная система власти как в обществе, так и в хозяйстве. Все, что направлено на демократизацию общества и хозяйства, лежит на магистральном направлении преодоления кризиса,

прогрессивно. Это не исключает разнообразия действий, вариантов оздоровления общества и хозяйства. Находясь в целом в русле преодоления кризиса, разные варианты в разной мере эффективны, отражают разные интересы и разные представления о желаемом будущем. С этим нельзя не считаться. На этом должен быть основан сдержанный, демократический подход к оценке разных концепций и доктрин экономического развития.

Многу исследован ряд идеологически острых вопросов, касающихся вариантов дальнейшего развития советского хозяйства. Например, такие: сохранит ли наше хозяйство социалистический характер? Насколько реален для будущего социалистический выбор? Целесообразна ли и возможна ли конвергенция нашего общества и нашего хозяйства с капитализмом? Суть выводов следующая. Вопрос о сохранении социалистического характера нашим хозяйством исходит из того, что наше хозяйство – социалистическое. Наука не подтверждает этой оценки. Правильно ставить вопрос так: может ли советское хозяйство стать социалистическим? По моему мнению, может до тех пор, пока казарменная деформация не привела к окончательному перерождению. Условием социалистического выбора становится теперь антитоталитарная революция снизу, то есть наиболее радикальный вариант перестройки.

Преобладание «революции сверху» приведёт страну скорее всего к модели конвергенции тоталитаризма с капитализмом, к тоталитаризму с цивилизованным лицом. Много и верно написано о невозможности конвергенции капитализма и социализма. Всё тут остается в силе. Но этот вывод не закрывает путь конвергенции с капитализмом казарменному псевдосоциализму. Если казарменный псевдосоциализм пытается выйти из своего кризиса путем ослабления эксплуатации трудящихся, отказа от крайних форм угнетения, попрания прав человека и народов, то почему бы ему не взять на вооружение опыт буржуазной демократии? Либерализация советского хозяйства в форме конвергенции с капитализмом способна принести облегчение эксплуатации, улучшение организации воспроизводства, вхождение не только в мировую торговлю, но и в мировое хозяйство и т. п. Это было бы реальным улучшением во многих отношениях. Это надо признавать. Но не надо самим думать и других обманывать, что конвергенция советского хозяйства с капитализмом была бы шагом на пути к социализму.

В свете сказанного рассмотрим вопрос о так называемом многообразии форм собственности. Надо различать многообразие форм собственности (многоукладность) и многообразие форм реализации того или иного типа собственности (многообразие форм ведения хозяйства). Конвергенция советского хозяйства с капиталистическим предполагает многоукладность экономики. Именно поэтому программы либерально-демократических и отчасти социал-демократических движений в СССР включают положения о многоукладности. У трудящихся мысль о частной капиталистической собственности непопулярна. Социалистический выбор может допустить многоукладность как тактическую меру, но в принципе основан на общенародной собственности при самом широком разнообразии форм ее реализации (форм ведения хозяйства). Разделительная граница тут – допущение или недопущение эксплуатации чужого труда, сохранение или полное устранение отчуждения труженика от функций собственника, хозяина.

Социальная защищенность и социальная справедливость. Доверие народа властям. Общенародный характер собственности вполне адекватно проявляется в форме социальной защищенности хозяйственной деятельности и в форме социальной справедливости ее организации. Социальная защищенность и социальная справедливость – две высших ценности как демократии вообще, так и особенно социалистической демократии. Социальная защищенность – такое положение труженика и трудового коллектива в обществе, когда их права, свободы и обязанности в сфере хозяйствования определены народом (народной властью), закреплены законами и гарантированы всем общественным правопорядком. Социальная справедливость – восприятие установленных и осуществляемых в обществе порядков хозяйствования как приемлемых, верно отражающих интересы человека, народа, трудового коллектива, общества, словом всех субъектов и участников хозяйственной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.